

Светлана
АЛЕШИНА

Сериал
«Папарацци»

Хит сезона

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Папарацци

Светлана Алешина
Хит сезона (сборник)

«Научная книга»

1999

Алешина С.

Хит сезона (сборник) / С. Алешина — «Научная книга»,
1999 — (Папарацци)

В сборник вошли две детективные повести Светланы Алешиной из серии «Папарацци» о расследованиях главного редактора криминальной газеты «Свидетель» Ольги Бойковой.

Содержание

Хит сезона	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	27
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Светлана Алешина

Хит сезона (сборник)

Хит сезона

Глава 1

Праздники имеют обыкновение заканчиваться. Причем заканчиваются они, как правило, неприятностями. Хотя бы и мелкими. Если бы у меня была возможность выбирать, я бы предпочла крупные – заставляющие бросать на борьбу с ними все силы полностью, находить в себе такие резервы, о которых ты прежде и не подозревала. А мелкие – нудны и противны. Они как сусличьи норы в степи, по которой я в детстве гоняла на велосипеде, – замечаешь их только тогда, когда переднее колесо уже провалилось, а ты летишь через руль. Шею не сломаешь, но колесо начинает так «восьмерить», что возвращаться приходится пешком.

Если тогда в моем родном степном Карасеве, где центром цивилизации был вокзал, а очагом культуры – ресторан с весьма «оригинальным» названием «Заволжье», неприятности ограничивались сусличьиими норами и подзатыльником от матери за перепачканное и разорванное платье, то теперь, в Тарасове, где я живу уже седьмой год, калибр их существенно изменился. Как, впрочем, и я сама.

Из наивной длинноногой студентки филфака я превратилась в «матерую» журналистку, как меня называет Сергей Иванович, один из моих сотрудников, редактора и владельца частной газеты «Свидетель», самой популярной сегодня – поверьте, в этом нет ни малейшего преувеличения, – газеты в Тарасове. А их у нас около сотни.

Совсем недавно мне удалось расследовать громкое дело об убийстве депутата областной Думы, председателя счетной палаты Ольги Николаевны Дубровиной. Впрочем, я не в одиночку занималась этим, работала вся редакция, иначе у меня вообще ничего не получилось бы, без их помощи. Но я сейчас о другом.

Как-то так вышло, что мы с этим расследованием перешли дорогу официальным правоохранительным органам. А я еще имела неосторожность нахамить по телефону начальнику нашего тарасовского управления Федеральной службы безопасности генералу Синицкому, «наехав» на него за то, чего он и не собирался делать, как я потом уже поняла, – вербовать Сергея Ивановича в секретные сотрудники, или, как их чаще называют, – «сексоты».

Вскоре посыпались на нас одна за другой всевозможные проверки. Не могу, правда, утверждать, что должна благодарить за это генерала Синицкого. И каждая из появлявшихся у нас комиссий опечатывала нашу контору. Мы бросались в бой всей редакцией и устранили все замечания, служившие основанием для ее закрытия.

Первыми появились пожарники и заявили, что не могут нам позволить работать в помещении, не оборудованном средствами тушения пожара. Когда же я с недоумением показала на имеющийся у нас пожарный щит, усатый пожарник добрых полчаса объяснял мне разницу между пожарным багром, который на пожарном щите совершенно необходим, и обычным ломом, висящим на щите у нас.

Я мысленно прокляла прежних владельцев помещения, от которых нам и достался в наследство этот пожарный щит, и весь следующий день редакция наша простояла опечатанной – оказалось, что найти в Тарасове багор раз в тридцать легче и быстрее, чем снять печать с двери. Усатый заранее предупредил меня, что самой мне лучше их печать не срывать – придется составлять уже милицкий протокол, а это послужит основанием для судебного разби-

рательства. Пришлось уговаривать на следующий день этого усатого прийти к нам лицезреть приобретенный багор и снять печать с редакции.

Следующими к нам заявили представители санэпидстанции.

«Ну уж эти-то, – подумала я, – к нам придраться не смогут! С продуктами мы дела не имеем, а места общего пользования – в идеальном состоянии».

И, конечно, ошиблась. Смогли!

Они долго что-то подсчитывали, рассматривали электрические лампочки и заявили наконец, что у нас не соответствует санитарным нормам освещенность помещений. Что на каждого из сотрудников приходится гораздо меньше то ли люменов, то ли фотов, чем положено нормами. Не знаю, имели ли они на это право, но редакцию вновь опечатали.

История повторилась с той лишь разницей, что мощные лампы в Тарасове оказалось найти еще проще, чем пожарный багор.

Сергей Иванович, чувствуя себя почему-то во всех наших неприятностях виноватым, ходил грустный, вздыхал и нудел. В общем – путался под ногами, пока я, Маринка, моя секретарша, и фотограф Виктор решали эти проблемы, свалившиеся на наши головы.

Но когда во вновь заработавшую редакцию ворвались люди из налоговой инспекции в черных масках, бронежилетах и с автоматами и держали нас лицом к стене, пока до тошноты вежливые инспектора выгребали всю нашу документацию, я поняла, что работать спокойно мне все же не дадут. В тот же день расчетный счет редакции был арестован, и я порадовалась, что у меня есть несколько тысяч германских марок налички в домашнем сейфе – остатки от выгодной коммерческой сделки – продажи информации о русских публичных домах в Германии одной крупной берлинской газете. Этот заработок был случайным, и повторно рассчитывать на такую удачу я не могла.

Сидя потом в своем перевернутом вверх дном кабинете и глядя на собравшуюся у меня приунывшую команду, я засомневалась, что инициатором всех наших неприятностей последних дней была ФСБ. Уж не настолько мы насолили генералу Синицкому и его «орлам», чтобы он стал сводить с нами счеты.

И тем не менее чья-то сильная, влиятельная, очень хорошо направляющая рука чувствовалась в достижении единственной цели – помешать работать, выпускать дальше «Свидетеля», тираж которого нам удалось за три номера поднять в пять раз. Но это, конечно, были такие номера, которые взбудоражили буквально весь город.

Стоп, подумала я, а может быть, это кто-то из наших конкурентов?

А что? «Свидетель» сделал такой мощный рывок на дистанции, что бывшим лидерам пора ставить нам палки в колеса. Ну хорошо, пусть конкуренты, но кто из них? Это могла сделать любая из пяти газет, которые контролировал губернатор, любая из четырех, контролируемых его политическими противниками, и мне оставалось только гадать на кофейной гуще – кто же из них?

Кстати, о кофе... Маринка готовит его просто отлично.

– Так, ну что? – сказала я, оглядев свое «войско». – Все в сборе? Кого нет? Корреспондентов? Ну так им пока и делать здесь нечего. Выпуск газеты мы с этого дня временно прекращаем.

Сергей Иванович вытаращил на меня глаза.

– Ты с ума сошла, Ольга! – воскликнул он. – Сейчас надо обязательно развивать успех и приучать читателя к тому, что «Свидетель» выходит часто, почти каждый день. Сейчас расширять редакцию нужно, а не сокращать!

– Успокойтесь, Сергей Иванович! – осадила я его. – Без расчетного счета мы не сможем оплатить ни типографию, ни бумагу. Нам даже подписку принимать нельзя.

– Как это нельзя! – возмутился Сергей Иванович. – К нам народ валом валит, чтобы подписаться хотя бы на три месяца, а ты – «нельзя»!

– Я знаю, что делаю! – отрезала я. – Сегодня у нас выгребли всю наличку из сейфа, но ее-то происхождение я доказать сумею. А вот когда мы соберем кругленькую сумму за подписку и они нагрянут второй раз, а после их визита мы не обнаружим ни одной квитанции о подписке, арестуют уже не расчетный счет, а меня саму! И вы будете сидеть здесь и вздыхать. Но сделать вы ничего уже не сможете, поскольку, простите, Сергей Иванович, просто не знаете, что в такой ситуации делать...

– А ты знаешь! – буркнул Кряжимский и надулся. – Пропадем мы без тебя, как малые дети!

– Вы-то, возможно, и не пропадете, а вот дело наверняка будет похоронено, – сказала я спокойно. – Сейчас не время спорить. Я уже знаю, что делать...

Три пары глаз вопросительно уставились на меня.

– Прежде всего Марина всем сейчас сварит кофе, и мы выпьем по чашечке.

Маринка пожала плечами и отправилась в свой предбанник варить кофе. Я достала из стола устав «Свидетеля» и, найдя нужное место, подчеркнула карандашом несколько строчек.

В кабинет заглянула Маринка, и я поразилась скорости, с которой она научилась готовить кофе. Но она принесла не кофе, а известие о том, что в редакцию пришел какой-то мужчина и просит меня его принять.

– Что за мужчина? – спросила я утомленным голосом. – Опять из налоговой? Или на этот раз из какого-нибудь общества защиты животных? Сейчас начнет обвинять нас в том, что сегодня на обед мы ели бифштексы, а это преступление перед лицом...

– Обычный мужчина, – прервала Маринка мою раздраженную болтовню. – Лет пятьдесят. Одет элегантно. На вид – очень приличный. В очках и с бородой.

– Ладно, пригласи его, я поговорю с ним, пока ты варишь кофе.

Я повернулась к нашим мужчинам и развела руками.

– Не пойти ли вам покурить, ребята? – спросила я. – Все равно объявлен перерыв в совещании.

Они вышли, а вместо них в моем кабинете появился мужчина действительно весьма элегантной внешности – светло-серый костюм, бабочка, мягкая шляпа с круглыми полями, идеально подстриженная борода, очки в тонкой металлической оправе, которая стоила, на мой взгляд, долларов пятьсот, тонкая тросточка с вделанным в ее головку крупным изумрудом. Признаюсь, я не видела такого экземпляра не только среди своих посетителей, но и в Тарасове вообще.

И тем не менее его внешность показалась мне чем-то знакомой.

Я вглядывалась в него, наверное, слишком пристально, и он это заметил. Мужчина усмехнулся, достал из внутреннего кармана пиджака фотографию и сказал:

– Не трудитесь понапрасну, пытаюсь вспомнить, где мы с вами познакомились. Нигде. Хотя вы, конечно, меня знаете. Правда, запомнился я вам скорее всего совершенно в другом виде. Например, вот в таком...

Он протянул мне фотографию.

– Господи! – воскликнула я. – Ну, конечно. Но я надеюсь, вы меня извините.

– Меня это несколько не обижает, – усмехнулся он, – а, напротив, очень радует, что меня помнят именно в этой роли. Кстати замечу, что Мефистофель – одна из моих любимых ролей.

– Вам нравится ощущать себя демоном зла? – спросила я невинно: я люблю давать людям возможность блеснуть эрудицией и почувствовать себя чуть-чуть умнее меня – это их, как правило, расслабляет.

– Ну что вы, что вы! – снисходительно улыбнулся он. – С Мефистофелем дело обстоит гораздо сложнее. Это очень неоднозначная... хм... фигура.

Он посмотрел на меня внимательно, даже с каким-то намеком, наверное, порисоваться захотел, и произнес медленно и как-то подчеркнуто многозначительно:

– «Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо...» Обожаю эту фразу, хотя, должен признаться, в остальном мне гораздо больше нравится перевод Бориса Пастернака...

Я неопределенно хмыкнула, продолжая изображать полную девственность во всем, что связано с интерпретацией образа Мефистофеля. Совершенно необязательно сообщать ему о том, что я по образованию – филолог.

Маринка внесла две дымящиеся чашки и, по-видимому, слышала его последние слова, потому что завелась с пол-оборота. Она тоже кончила филфак, и ко всему прочему Гете – ее любимый писатель.

– А вы знаете, что три года назад, – сказала она, ставя перед нами чашки с кофе и глядя на него блестящими от возбуждения глазами, – появился новый перевод «Фауста», сделанный одним из сегодняшних авангардистов. И там фраза, которую вы только что произнесли, звучит просто чудовищно! «Я часть того, что женщины хотят, но это несущественно, поскольку оставшаяся часть есть то, чего хотят мужчины!» Какое самомнение и какая ненависть к женщинам! Арнольд Васильевич, а в том, как вы играете Мефистофеля, есть какое-то ваше личное отношение к женщине?

– Марина! – сказала я чуть повышенным тоном. – Спасибо за кофе.

Маринка сверкнула на меня глазами, сказала: «Извините!» – и испарилась.

Арнольд Васильевич – я наконец-то вспомнила его фамилию: Салько – смотрел на дверь, которая закрылась за Маринкой, с некоторым удивлением. Я не стала дожидаться, когда он справится с собой, и спросила:

– А что, собственно, привело сегодня ко мне часть той силы, которая?... И так далее.

– Ах да! – встрепенулся он. – Просто я, признаться, не ожидал... Конечно-конечно, я пришел не для того, чтобы рассказывать вам о Мефистофеле. Все гораздо проще и банальнее. Я бы даже сказал – постыднее. И даже – унизительнее. Но такова жизнь, таковы, извините, женщины, и не в моей воле изменить сложившуюся ситуацию. «Женщины таковы, каковы они есть, и больше – никаковы!» – как сказал один из тарасовских писателей. Впрочем, он, кажется, говорил не о женщинах, а о жизни...

– Арнольд Васильевич, прошу вас, – сказала я, – выражайтесь яснее. Не могли бы вы просто и ясно, в двух словах изложить дело, которое привело вас ко мне?

– Да-да, конечно, – заторопился он. – Хотя должен признаться, что настоящее мое имя вовсе не Арнольд, а Алексей. Алексей Митрофанов. Арнольд Салько – это мой сценический псевдоним. Как-то лучше звучит, знаете ли, чем Алексей Митрофанов... Да-да, перехожу к делу. Так вот, моя супруга, Евгения Сергеевна Митрофанова мне... хм... изменяет. Поверьте, я много думал перед тем, как прийти к вам. И все же пришел, как видите. У меня есть некоторые сомнения насчет... ее поведения. Я хотел бы, чтобы вы помогли мне их развеять.

– То есть подтвердить? – спросила я, удивляясь тому, как все удачно складывается: заработок, можно сказать, сам идет мне в руки.

– Боюсь, что опровергнуть их вам, при всем моем желании, не удастся, – сказал он, посмотрев на меня так, словно это я ему изменяла.

– То есть вы хотите, чтобы мы добыли свидетельства, подтверждающие факт супружеской измены со стороны вашей супруги? – спросила я, решив помочь ему сформулировать цель его визита.

Он кивнул головой и торопливо заговорил:

– Я все продумал. Сегодня у меня спектакль, кстати – мой любимый «Фауст». Она останется дома одна. Детей у нас, видите ли, нет... хм... Да! И я уверен, что на сегодня у нее запланировано свидание. Прямо в нашем доме. В моем, прошу заметить, доме! Прямо на супружеском, так сказать, ложе! Это уже верх... Верх бесстыдства и предательства! Я еще понимаю,

там, гостиница или какая-то квартира для свиданий. Но дома! Это... Это переходит все границы!

– А почему вы обратились именно к нам, Арнольд... Извините, Алексей...

– Васильевич! – подсказал он. – Отчество я не менял. Оно у меня благозвучное... Но в том, что я пришел к вам, а не в частное детективное агентство, виноваты, пожалуй, вы сами. Меня просто поразила оперативность, с которой появляется информация в вашей газете. Это просто удивительно! Я читал в «Свидетеле» о том, что произошло буквально три-четыре часа назад! «Эти люди умеют работать, – сказал я себе. – И работают быстро! Я пойду именно к ним!» И я пришел, как вы можете убедиться... Разумеется, я заплачу. Я не хочу, чтобы результаты этого расследования появились в газете, и понимаю, что в этом случае вы работаете как бы не совсем в своих интересах, ведь вас в первую очередь интересуют, наверное, те материалы, которые вы можете опубликовать. Поэтому я готов оплатить все ваши издержки и компенсировать ваше рабочее время по любым предложенным вами расценкам. Я человек не бедный, да и проблема моя такова, что мне не подобает скупиться.

– Хорошо, – сказала я. – К этому вопросу мы еще вернемся. Прежде всего, скажите мне, какие именно свидетельства измены вы считаете достаточными для установления факта супружеской неверности?

– Ну-у-у... – Он покраснел, собираясь ответить, и я уже поняла, чего он от нас сейчас потребует. – Я бы счел достаточным доказательством фотографии самого факта супружеской неверности.

– То есть фотографии вашей жены в постели с другим мужчиной? – уточнила я, нисколько не собираясь помогать ему преодолевать свое смущение, ведь это он сам ставит такие условия.

– Да! – внезапно воскликнул он с какой-то ненавистью. – И чтобы было видно ее лицо! Чтобы я не думал потом, что вы подсунули мне фотографии другой женщины, чтобы вытянуть из меня гонорар!

«Ах ты, козел! – подумала я. – Это тебе дорого обойдется!»

– Само собой разумеется! – ответила я спокойно. – Вы хотели бы так же видеть и лицо мужчины?

– Да! – сказал он, немного запнувшись. – Непременно – хотел бы!

– Это будет стоить тысячу...

Он снисходительно улыбнулся.

– ...долларов, – добавила я, безмятежно на него глядя.

Улыбка застыла на его лице, но я знала, что он не откажется – он слишком много уже рассказал мне о себе и своих проблемах, чтобы уйти просто так и сомневаться потом – не стану ли я разносить эту историю по всему городу или, чего доброго, не напишу ли об этом в своей газете. Он, конечно, может подать на меня потом в суд, но дело-то уже будет сделано...

– Я согласен, – выдавил он из себя, но я решила, что нужно его добить, слишком высокомерно и агрессивно он держался.

– Вынуждена просить у вас предоплату, – сказала я, стараясь выглядеть смущенной.

– Конечно-конечно, – засуетился он, но я видела, что мои слова вызвали у него беспокойство. – Я понимаю... С-сколько?

– А что это вы заикаетесь? – спросила я невинно. – Пятьдесят процентов.

– Да-да, – сказал он рассеянно. – Я готов заплатить сейчас же.

– Как, уже сейчас? – спросила я удивленно. – Вы носите с собой такие суммы? Это, знаете ли, рискованно... Впрочем, это не мое дело. Если мы с вами договорились, то попрошу дать ключи от вашей квартиры, нарисовать ее план и сообщить, в какое время вашей жены не будет дома, чтобы я могла ознакомиться с обстановкой на месте. Вот вам лист бумаги и ручка.

Он выложил из кармана ключи с брелоком, на котором была изображена сцена из Камасутры, и немедленно покраснел, заметив мой взгляд на брелок. Затем он вытащил бумажник и отсчитал пятьсот долларов; я выдала ему расписку и заставила подписать расписку и для меня – мол, столько-то выплачено авансом такой-то за такого-то рода услугу. Этим я хотела немного подстраховаться, если у налоговой полиции, на отсутствие внимания которой к «Свидетелю» в ближайшем будущем я не могла надеяться, возникнут вопросы о происхождении этой суммы.

Потом он принялся изображать на листе бумаги свою квартиру, и я поразились размерам его жилья. Это была пятикомнатная квартира площадью, как он мне не без гордости сообщил, в сто тридцать метров, расположенная в двух уровнях. Если добавить, что дом, в котором находилась квартира, стоял в самом центре городской зоны отдыха, где метр жилья стоил астрономическую сумму, то придется признаться и в том, что меня озадачила и стоимость его жилья.

Откуда у артиста областного театра, пусть у ведущего артиста, такая собственность?

Но это было, в конце концов, не мое дело – устанавливать источник доходов артиста нашего Академического театра драмы Арнольда Салько, «по-уличному», как говорила моя карасевская бабушка, прозывавшегося Алексеем Васильевичем Митрофановым.

Я сунула деньги в сейф вместе с ключами, и мы договорились, что я приду в шесть часов, когда он будет уходить из дома в театр. Его супруга в это время всегда отсутствует – он сам приучил ее уходить из квартиры, когда он готовится к спектаклю. Он делал это в своих творческих интересах, горько добавил он, а она использовала время в своих, предательских по отношению к нему, целях.

Проводив его, я позвала своих приунывших уже опять соратников и заговорщицки на них посмотрела.

– Ну? – спросил меня Виктор, от которого обычно слова не добьешься. – Что?

– Какой ты сегодня у нас разговорчивый! – не преминула я его кольнуть. – А ничего! На ловца и зверь бежит! Сначала я вам прочитаю несколько строк из нашего устава.

Я взяла в руки лист бумаги с подчеркнутыми мной строчками:

– Вот... Виды деятельности... В них среди прочего записано: «...Оказание платных услуг гражданам, организациям и предприятиям в установлении по их просьбе фактов, связанных с их личной жизнью и жизнью членов их семей, направленных против их интересов деятельностью их партнеров, конкурентов и политических противников». Я помню, как я ломала голову, чтобы как-то внести в устав формулировку о журналистских расследованиях. Мне это сделать категорически не разрешили, их, видно, слово «расследование» испугало, а вот против этой казуистической белиберды ни один чиновник не возразил. А в результате мы теперь имеем возможность заниматься – причем без всякой лицензии – тем, что обычно делают частные сыскные конторы. У нас это называется – «журналистское расследование». С сегодняшнего дня это занятие и становится нашим основным видом деятельности. До тех самых пор, пока не заработаем средства на выпуск газеты или не добьемся открытия счета в банке. Или пока не найдем тех, кто вставляет нам палки в колеса. А желающих сделать это – немало, как я понимаю...

Я обвела глазами мою притихшую «команду». Все трое сидели молча и прикидывали, каждый по-своему, чем все это обернется.

– Теперь следующий документ...

Я взяла в руки расписку, которую мне только что оставил артист.

– Читаю: «Я, Митрофанов Алексей Васильевич, подтверждаю факт выдачи мною аванса в пятьсот долларов редактору газеты «Свидетель» Ольге Юрьевне Бойковой в качестве оплаты за организацию и проведение журналистского расследования фактов частной жизни моей семьи, а также за предоставление мне фотографических доказательств факта супружеской неверности моей жены». Число, подпись. Печати, естественно, нет.

Помолчали. К моему удивлению, сообщение мое никакого энтузиазма не вызвало. Кряжский мрачно смотрел в окно, Маринка хмурилась, а у Виктора губы подрагивали, словно он хотел что-то сказать.

– Что-то вы не рады... – заметила я, поджав губы. – Ну-ка высказывайтесь, у кого какой камень за пазухой припрятан?

– У меня, собственно, не камень, – тут же отозвался Сергей Иванович. – У меня недоумение. Я просто не знаю, чем могу быть полезен в такого рода журналистской, если можно так выразиться, работе? Фотографировать я не умею, да и есть у нас фотограф, а кроме того, вы тоже отлично снимаете, Оля... Нет уж, прошу меня уволить...

– Увольнять я вас не собираюсь, – отозвалась я. – Но и подключать к этому делу не предполагала. Вы, Сергей Иванович, будете разбираться с налоговой инспекцией, арестовавшей наш счет. Это задание очень важное, как вы сами понимаете, и не думаю, что оно окажется приятнее того, чем придется заниматься мне.

– В таком случае, – Сергей Иванович встал и направился к двери, – позвольте мне не отвлекаться от этого поручения.

И ушел!

Я прямо дрожала вся внутри от злости, а вернее сказать – от обиды. Он, видите ли, не желает иметь к этому никакого отношения.

Чистоплюй!

А когда мы сделаем все без него и возобновим выпуск «Свидетеля», он на нас же будет поглядывать свысока, коситься на наши замаранные руки! Ну и пусть идет! Обойдемся! Обходились же раньше.

– Кто следующий? – спросила я. – Марина?

Но Маринка молчала. А вперед неожиданно вылез наш молчун и заявил:

– Не могу.

– Что не можешь? – не поняла я.

– Подставляю. Ребят, – выдавал он по одному слову и вдруг разразился целой фразой: – Если я в чем-нибудь ошибусь, через меня на них выйдут, я себе этого не прощу...

«Да-а! – подумала я. – Это посерьезнее, чем чистоплюйство Кряжского. Если Виктор на какой-нибудь ерунде загремит в ментовку – ну, например, супруга Салько обнаружит его в своей квартире и вызовет милицию, – вполне может выплыть его связь с друзьями-«афганцами». Это для него они друзья, а для милиции – организованная преступная группировка, и милиции, так же как и генералу Синицкому, наплевать, что это именно Витькины друзья помогли мне разоблачить убийц Дубровиной. Они действовали незаконными способами, и это станет основанием для того, чтобы их осудить...»

Я вспомнила, как командир группы «афганцев» Эдик хладнокровно и методично стрелял одному из бандитов сначала в руки, затем в ноги, пока тот не сказал, кто был заказчиком этого убийства, и у меня мурашки по спине пробежали. За такие методы можно схлопотать немало, и суд вряд ли примет во внимание, что действовал Эдуард во имя справедливости. Это был самосуд, ни больше ни меньше. Пытка...

Да, Витьке лучше всего не проявлять сейчас никакой активности...

Я вздохнула и перевела взгляд с Виктора на Маринку. И... И не стала ее ни о чем спрашивать. Наша «Мисс Справедливость» сейчас начнет читать мне мораль о том, как безнравственно вмешиваться в чужие личные отношения, тем более в отношения мужа и жены. Слушать мне все это не хотелось вовсе.

Она молчала, и я промолчала тоже. Поняли друг друга. Без слов.

«А знаете, ребята, – подумала я. – А ведь вы меня сейчас бросили! Оставили одну. И теперь будете наблюдать со стороны и ждать, чем все это закончится, как я сумею справиться с ситуацией, в которую залезла... А может быть, я напрасно согласилась помогать этому провин-

циальному Мефистофелю? Дело, и правда, выглядит не особенно привлекательно. Фотографировать женщину, когда она, ничего не подозревая, любит мужчину, искренне ему отдается, ведет себя очень раскованно и свободно, думая, что она в полной безопасности... Ведь можно сделать снимки весьма пикантного свойства... А потом передавать эти снимки ее мужу... Это, знаете ли... Если бы со мной устроили такое, я обязательно нашла бы этого фотографа и задушила своими руками! Мне, правда, нечего опасаться в этом смысле – мужа у меня нет и в ближайшее время не предвидится. Снимки передавать некому».

Но я не могу отступать, тут же решила я. Если я быстро справлюсь с этим делом, у меня будет вполне достаточно средств, чтобы зарегистрировать еще одну газету, назвать ее, скажем, «Свидетель-2» и продолжить нашу так удачно начавшуюся работу. Все они тогда опять будут рядом со мной, но я уже не буду чувствовать к ним того расположения, которое помогало мне самой верить в успех и черпать энергию из их поддержки.

Ладно, хватит ныть и морочить себе голову! Нужно дело делать.

– Ну что ж, – сказала я, не глядя на Виктора с Маринкой. – Вы, пожалуй, меня одну сейчас оставьте, мне надо подумать спокойно. И прошу вас больше не говорить ни слова, я и так поняла достаточно.

Маринка еще раз сверкнула глазами и вышла. Виктор, потоптавшись, поплелся за ней. Он был явно расстроен. Он понимал, что фактически бросал меня в одиночестве, но и ребят своих подставлять не мог. Вот и мялся в полной нерешительности.

Да ну их всех к черту! – решила я. Справлюсь и одна, без их помощи.

Да и что тут сложного! Спряталась заранее в квартире, выбрав удобный ракурс для съемки, и, когда любовное свидание будет в самом разгаре, сделала несколько кадров – и все, свободна, можешь сразу уходить, пока любовники заняты друг другом, можешь подождать, пока они сами уйдут или заснут наконец. Потом берешь с заказчика еще пятьсот, передаешь ему снимки – и дело сделано! Да я сегодня же со всем этим управлюсь!

До шести часов время еще было, но мне не хотелось оставаться в редакции, и я отправилась в кафе, заранее прихватив фотоаппарат и все необходимое для съемки.

Не могу сказать, что я весело провела следующие два часа, но по крайней мере не наталкивалась поминутно на Маринкин укоризненно-осуждающий взгляд и не видела тоскливого выражения на лице Виктора.

Я хорошо пообедала, раз уж мне время девать было некуда, и даже выпила немного хорошего французского вина – терпкого, но легкого.

Мне уже можно было и уходить, чтобы не спеша, спокойным шагом добраться до зеленой парковой зоны, где располагался дом Митрофанова-Салько, когда за мой столик подсели два молодых, да что там, совсем зеленых паренька.

– По-нашему, это шок! – сказал один. – Смотри, Сашка, какая девочка!

Я промолчала. Сашка встал, подошел ко мне сзади и наклонился надо мной.

– Девушка! – обратился он уже непосредственно ко мне. – Если, конечно, вас можно так называть... Вам не нужны спарринг-партнеры?

– Сопливые – нет! – отрезала я, вставая и направляясь к выходу.

«Уроды! – подумала я, выйдя из кафе под взрывы их хохота. – Девочку нашли с панели! Щенки сопливые!»

Но, уже идя по улице, я почувствовала, что раздражение мое не так уж велико, как я сама себе хочу это изобразить. Мальчишки, конечно, сопливые и наглые, но... Если на меня такие сопляки внимание обращают, значит, у меня все в порядке. Не так ли? Сам факт мужского внимания... Господи! Какого еще мужского? Вчера только с горшка слезли и сразу – по бабам!

Ну их к черту, в самом деле! Что мне, думать больше не о чем?

Подумать, наверное, было о чем, поскольку я уже стояла перед четырехэтажным, но в то же время всего четырехквартирным домом Митрофанова-Салько, расположенным в самом тихом уголке нашего городского парка имени Короленко.

Глава 2

Дверь мне открыл Арнольд Васильевич Салько, он же Алексей Васильевич Митрофанов. Он заметно нервничал, хотя и старался этого не показывать.

– Ну что вы встали на пороге! – буркнул он, увидев меня. – Проходите, не торчите в дверях!

Щеки его были намылены, он, похоже, брился, когда я позвонила в дверь его квартиры.

«А где же борода? – удивилась я. – Неужели это был лишь грим? Насколько же в таком случае он любит играть, что занимается этим не только на сцене, но и в жизни».

– Сварите пока себе кофе, если хотите, – сказал он. – Я сейчас.

И скрылся в ванной. Оттуда слышался плеск воды и нарочито бодрое пение. «Люди гибнут за металл...» – разобрала я, прислушавшись.

«Хм, сатана! – подумала я о нем скептически. – В образ входит!»

Я, следуя его совету, сварила себе кофе, без труда разыскав все необходимое для этого на кухонном столе, и сидела на кухне, поджидая хозяина.

Алексей-Арнольд Васильевич появился на кухне в том же элегантном сером костюме, в котором приходил в редакцию. Он был выбрит, благоухал дорогим одеколоном и походил больше на какого-нибудь благообразного серафима, нежели на Мефистофеля.

– Надеюсь, вам понравился кофе? – неприязненно спросил он у меня, совсем не ангельски сверкнув на меня злыми глазами. – Идите, я покажу вам предполагаемое место действия.

Отнеся его нервозность и агрессивность на счет его неприятностей с супругой, я не стала обращать на его хамство никакого внимания, а спокойно последовала за ним по коридору.

Митрофанов провел меня в спальню – просторную комнату, центр которой был занят огромной кроватью. У меня вертелся на языке вопрос – откуда у Арнольда-Алексея взялись средства, чтобы приобрести себе столь роскошную квартирку и обставить ее такой шикарной мебелью, но я постоянно останавливала себя мыслью о том, что это меня нисколько не касается.

– Думаю, что это произойдет здесь! – театральным жестом указал он на постель.

Я оглянулась по сторонам. Кроме кровати, пары тумбочек и огромного зеркала в пол-стены, в спальне ничего не было.

– Но... – сказала я. – Не вижу возможности занять здесь удобную для съемки позицию. Не думаю, что мне удастся сделать из-под кровати снимки, которые вас удовлетворят. А больше здесь укрыться, по-моему, нигде...

Он посмотрел на меня презрительно.

– Не считайте меня идиотом! – заявил он мне. – Идите за мной.

Я пожала плечами и поднялась по винтовой лестнице на второй этаж. Артист провел меня в комнату, которая, как я сразу поняла, служила библиотекой, поскольку была сплошь уставлена стеллажами с книгами.

Он откинул ковер и вынул из пола квадрат паркета размером примерно пятнадцать на пятнадцать сантиметров. Под ним, к моему удивлению, оказалось отверстие в бетонной плите перекрытия.

– Снимать будете отсюда, – сказал он. – Эту комнату я закрою на ключ. У жены ключа от нее нет, поэтому обнаружить вас здесь она не сможет. Вам я оставляю второй ключ, чтобы вы могли выбраться отсюда, когда посчитаете, что сделали все, что от вас требуется. Ключ от входной двери у вас есть. Можете курить, если хотите, я всегда курю здесь, и запах табачного дыма не вызовет у жены никаких подозрений. Если будете сидеть здесь тихо и не топтать, как слониха, ни она ни он ничего не заподозрят. Вопросы есть?

– Всего один, – сказала я. – Когда вам передать снимки?

– Сегодня! – отрезал он. – Как только проявите пленку, везите ее мне в театр. Я не желаю сюда возвращаться, пока не узнаю всего, что здесь сегодня произойдет! Буду ждать вас в театре, у себя в гримерке.

– Тогда все, – сказала я. – Запирайте.

Он вышел, гулко хлопнул дверью и запер ее снаружи, не сразу попав ключом в замочную скважину.

«Нервничает! – подумала я. – А кто бы на его месте не нервничал?»

Я закурила, отыскав пепельницу с несколькими окурками «Винстона», и приготовилась ждать не меньше часа. Хлопнула входная дверь, это я услышала очень отдаленно и поняла, что входная дверь от библиотеки очень далеко и мне стоит прислушиваться, если я не хочу обнаружить в квартире присутствие объекта съемки неожиданно для себя.

Но пока я была уверена, что в квартире, кроме меня, никого нет, и не старалась ходить особенно осторожно. Я осмотрела библиотеку и поняла, что она не представляет для меня абсолютно никакого интереса.

Здесь была в основном классическая литература, причем далеко не в академических изданиях, а скорее в наиболее доступных для массового читателя. Русская классика была представлена довольно полно, но только избранными сборниками, подборка зарубежной классики обнаруживала весьма скромные познания хозяина в этой области, и уж совсем меня добибли полки, сплошь уставленные сборниками детективов в ярких пестрых обложках.

– Однако... – пробормотала я. – Ни одной книги по театру. Странно!

Но поразмышлять на эту тему мне не пришлось. Я услышала отдаленный стук входной двери и мгновенно замерла. Похоже, скоро мне придется приступить ко взятым на себя обязанностям тайного соглядатая.

Я на цыпочках подошла к отверстию в полу и осторожно опустила на колени около него. Отверстие было закрыто внизу прозрачным пластиком, слегка подернутым какой-то дымкой, но видно через него было прекрасно.

Правда, я не могла видеть дверь в спальню, но вся кровать была передо мною как на ладони. На ней пока никого не было, и, просидев минут пять в ожидании, словно рыбак с удочкой на берегу реки, я сразу же приуныла. У меня уже и ноги, как мне казалось, затекли, и спину ломило от неудобной позы, и глаза начали слезиться от напряженного вглядывания в отверстие.

«Ничего, в конце концов, не случится, – подумала я, – если я начну наблюдать не с самого начала. Сейчас эта женщина одна, и я все равно не смогу снять то, что обещала. Да и куда мне спешить? Что же они, так с разбега начнут трахаться? Сначала прелюдия какая-нибудь будет, ля-ля там всякие, а мне что же, все это наблюдать?»

Я вытянулась на полу и стала прислушиваться. Но, как я ни напрягала свой слух, ничего услышать мне не удалось. Женщина ходила по квартире тихо как тень, не хлопала дверями, не топала ногами, не гремела посудой, не включала телевизор или музыку какую-нибудь.

«Что она как в гостях? – подумала я с досадой. – Странная какая-то!»

Я пролежала минут пятнадцать, мне это дело порядком надоело, и я решила посмотреть, что внизу делается? К моей досаде, едва взглянув, я поняла, что обстоятельства могут серьезно помешать мне справиться с предстоящей задачей. За окнами начало темнеть, и в комнатах разлились сумерки, которые сгущались с каждой минутой.

Внизу я увидела женщину. Она лежала поперек кровати одетая и мечтательно смотрела прямо на меня. Я даже отпрянула в первую секунду, но потом сообразила, что вряд ли она меня видит – я обратила внимание на потолок спальни, когда была там, – на нем не было и намека на какое-либо отверстие. Снизу она ничего не могла заметить на потолке.

Я принялась рассматривать лежащую женщину, насколько, конечно, позволяло освещение. Она была хрупкой, и меня даже поразило, насколько тонкая фигура у супруги этого

Арнольда-Алексея. Лица ее я толком не видела, стало уже довольно темно, но мне оно показалось красивым.

Женщина отвела от меня взгляд, перевернулась на бок, потом встала с кровати и, посмотрев на зеркало, протянула к нему руку. В тот же миг зажглись какие-то светильники, которых я не заметила, когда была в спальне. Наверное, они располагались по краям зеркала, судя по тому, как падал свет на кровать.

Женщина села на край кровати и стала смотреть куда-то в стену.

«Да не в стену, – сообразила я через несколько секунд, – а на дверь. Ждет. Любовника ждет... Только что-то она странно как-то держится, как в чужой квартире. Вину, что ли, перед мужем чувствует?»

Успокоив себя подобным образом, я продолжала наблюдать, мысленно поблагодарив сидящую внизу за то, что она включила свет.

Наблюдала я за ней, наверное, минут пять, и она все больше удивляла меня своей скованностью, словно находилась не в привычной для себя обстановке, а в совершенно незнакомой, чужой квартире.

Я чувствовала какое-то напряжение, рождающееся во мне от этой неестественности, и никак не могла понять, в чем же тут дело.

Звук еще раз хлопнувшей входной двери заставил меня вздрогнуть и приготовиться к тому, что события начнут наконец-то развиваться побыстрее.

И они начали развиваться! Но таким неожиданным для меня образом, что я десять раз пожалела, что согласилась на эту аферу!

Женщина тоже услышала, как хлопнула дверь, потому что она заметно напряглась и в то же время как-то успокоилась, что ли. По крайней мере ее поза стала более непринужденной, и смотрела она на дверь теперь уже с откровенным ожиданием.

Ее ожидание невольно передалось и мне. Я пристально всматривалась в застывшую на кровати женщину, сидящую в изящной, хотя и несколько театральной позе.

Внезапно свет в комнате погас. Это было для меня слишком большой неожиданностью и слишком большим препятствием для выполнения поручения, за которое я столь опрометчиво взялась.

Я чертыхнулась и принялась шарить в своей сумке в поисках фотовспышки, решив, что я сделаю кадр, пусть и не тот, который мне заказывали, но все же сделаю.

Свет они выключили! А я даже не видела лица этого самого любовника, которого с таким напряжением ждала жена Салько. Мне нужны деньги на выпуск газеты, и я их добуду! Я сделаю снимок со вспышкой! Конечно, это вызовет переполох внизу, но, надеюсь, они так и не поймут, в чем дело, – возможно, подумают, что это свет от фар машины, которая развернулась прямо под окнами дома.

Я обшарила всю сумку. Вспышки не было!

Когда я это поняла, лицо у меня, очевидно, вытянулось от удивления, но я вновь прильнула к своему наблюдательному пункту. В сгустившихся сумерках видно было очень плохо, но кое-что я все же разглядела, и это привело меня в состояние душевного трепета. Не каждый день, согласитесь, становишься свидетелем убийства!

Внизу, подо мной, боролись две тени.

Я видела темную фигуру, явно мужскую, которая нависла сверху над лежащей на кровати женщиной. Я не сразу поняла, что там у них происходит, и вначале подумала, что это такая бурная любовная прелюдия. Женщина отчаянно сопротивлялась действиям мужчины и, как мне показалось, била его руками и пыталась оттолкнуть ногами. Когда до меня дошло, что никакая это не любовная игра, что мужчина пытается задушить женщину, а та ему сопротивляется, я, плохо соображая, что делаю, схватила фотоаппарат и сделала несколько снимков,

пока не сообразила, что при таком освещении вряд ли что-нибудь получится, хотя я и зарядила свой фотоаппарат очень чувствительной пленкой.

Но он ведь задушит ее, черт возьми! Надо помешать ему! Я не собираюсь становиться ни соучастницей преступления, ни свидетельницей убийства!

Схватив ключ, я бросилась к двери библиотеки. Ключ не подходил к замку! Что за новости?

Я растерялась.

Догадка о том, что меня заманили в ловушку, промелькнула в моей голове. Не успев даже дать ей сформироваться в четкую мысль, но уже окончательно в нее поверив, я вновь бросилась на пол, к своему окошку, устроенному в полу библиотеки.

Внизу уже было все кончено. Убийца стоял на коленях над женщиной и, вероятно, смотрел на нее. Насколько мне было видно в неясном сумеречном освещении, женщина лежала неподвижно. Неужели он ее задушил?! Зачем? Господи! Зачем?! Это же любовное свидание! Что он на нее набросился?!

Плохо понимая, что делаю, я закричала вниз, в потайное окошко, через которое наблюдала:

– Что ты сделал, урод! Зачем?

Услышав, наверное, мой голос, мужчина вскочил и поднял голову к потолку. Я рефлексивно нажала на кнопку спуска фотоаппарата, в тот же миг осознав, что это и есть сам Салько, который прямо из театра в гриме и костюме Мефистофеля явился домой, чтобы расправиться с неверной женой. Но зачем он это сделал? Нервы, что ли, не выдержали? Он же сам посадил меня на этот наблюдательный пункт наверху с фотоаппаратом! Пусть у меня не оказалось вспышки, но я же все равно его сфотографировала и надеюсь, что столь примечательный костюм и яркий грим можно будет разобрать даже на очень темном снимке.

«По-моему, он сошел с ума! – подумала я о Салько. – Он не отдает отчета в своих действиях».

Когда я посмотрела вниз еще раз, Салько в комнате уже не было. Через несколько секунд я услышала, как хлопнула входная дверь.

Мне нужно было выяснить, что с этой женщиной, которая все так же неподвижно лежала на огромной кровати в комнате подо мной.

Я вновь бросилась к двери, но тут же вспомнила, что она закрыта, а ключ, который оставил мне артист, к ней не подходит.

Это меня несколько отрезвило. Я остановилась, пошарила по столу, нашла свои сигареты и закурила.

Надо спокойно, не спеша подумать.

Если женщина жива и вскоре придет в себя, я просто оказываюсь в идиотской ситуации, сидя в этой библиотеке взаперти. Но это ладно, в конце концов кто-нибудь меня отсюда выпустит: или сам артист, или его жена, которой он устроил эту дикую сцену внизу. Тогда мы с ним выясним отношения, и, скажу честно, я ему в этом случае не завидую... Я не угрожаю, но я знаю себя хорошо!

Да, но это только в том случае, если женщина внизу жива... Если же он ее все же задушил, то ситуация меняется очень резко и не в мою пользу. Он может заявить, что вообще не возвращался домой и понятия не имеет, что у нас тут произошло и почему я... Да-да, именно я! Почему я задушила его супругу! Это же самая обычная подставка! Как я сразу этого не поняла? Идиотка!

Постойте-ка, но как я могла ее задушить, если я сижу взаперти в этой библиотеке и не могу отсюда выйти? Если дверь закрыта, значит, ее кто-то закрыл, но уж никак не я, поскольку ключ, который у меня есть, к замку совершенно не подходит!

Я даже рассмеялась от облегчения. Нет, что-то он тут недодумал, если собирался меня подставить и свалить на меня убийство своей жены! К тому же у меня есть фотоснимки, сделанные в момент убийства! Правда, они неважного качества, но на них, надеюсь, все же можно разобрать, что душит женщину мужчина и что он в гриме Мефистофеля, как раз в том, в котором сегодня выступает Салько!

«Нет, он точно сошел с ума!» – подумала я еще раз, пытаюсь успокоить себя, так как мне все же было весьма тревожно оттого, что я вновь ввязалась в какую-то криминальную историю.

Сигарета у меня догорела, и я решила зажечь свет, чтобы найти пепельницу. Раз уж я не имею к тому, что произошло внизу, никакого отношения и это вполне очевидно, то какой же смысл мне сидеть в потемках?

Я нащарила на стене выключатель и зажгла свет. Бросила взгляд на стол, и первое, что я на нем увидела, был ключ. Растерянно подойдя к столу, я посмотрела на второй ключ, который все еще держала в руке. Он был совершенно не похож на тот, что лежал на столе. Схватив ключ со стола, я бросилась к двери и дрожащими руками попробовала открыть ее. Ключ легко повернулся, и дверь открылась. Мое «железное» алиби наполовину рассыпалось.

У меня не было доказательства, что я не могла выйти из комнаты, а потом вновь в нее войти и закрыть ключом за собой дверь. Правда, у меня оставались снимки, но я сильно сомневалась, что условия съемки позволят мне сделать отпечатки, которые послужат убедительным доказательством для неизбежного следствия, которое завтра же начнется по этому убийству.

Схватив свою сумку и сунув в нее на ходу фотоаппарат, я скатилась по винтовой лестнице и ворвалась в полутемную спальню.

Женщина при моем появлении не пошевелилась.

Она лежала в очень неестественной позе, приподняв грудную клетку, словно собиралась и никак не могла вздохнуть. Ноги были разбросаны в стороны и слегка подогнулись в коленях. Левая рука безжизненно свисала с края кровати, а правая вцепилась в покрывало, собрав его в складки. Лица ее мне не было видно, и я тихонько подошла поближе, пытаюсь разглядеть его получше в тусклом свете фонарей, пробивавшемся с улицы.

Одного взгляда на ее лицо было достаточно, чтобы понять, что она задушена. Красивое лицо с тонкими чертами было искажено уродливой гримасой, и казалось, что она злобно смеется над моими надеждами, что все еще обойдется и я не окажусь свидетельницей убийства.

Свидетельницей! Если меня здесь сейчас кто-нибудь застанет, я окажусь уже не свидетельницей, а главной подозреваемой!

И мне придется доказывать, что я не совершала этого убийства. Ну уж нет, спасибо! Надо поскорее отсюда убраться!

Я нащарила в кармане ключи с камасутровым брелоком и, осторожно шагая мимо кровати, направилась к выходу. В коридорах квартиры было уже совсем темно, сюда не доходил свет от фонарей, пробивавшийся в окна, и квартира от этого приобрела зловещий и даже какой-то угрожающий вид. Мне, честно сказать, было страшно.

Звук открывающейся двери застал меня напротив кухни, и я, ни секунды не размышляя, проскользнула в нее, не желая встречаться с тем, кто сейчас входил в квартиру, кто бы он ни был!

Я стояла, прижавшись к стене кухни, и настороженно прислушивалась к шагам в темном коридоре. Ничего хорошего от того, что меня обнаружат, я не ждала. Если это милиция, мне оправдаться не удастся, это я понимала. Если это вернулся убийца – тем более! Он мог вернуться только в одном случае – если вспомнил, что я все видела, сидя наверху, и даже, возможно, сфотографировала, как он душил свою жену, и теперь он расправится со мной, чтобы уничтожить свидетеля своего преступления.

Я машинально пошарила по столу рукой и схватила попавшуюся под руку вилку.

«Нет! – подумала я. – Со мной так легко ему расправиться не удастся!»

Человек, вошедший в квартиру, был один, шел очень осторожно, свет не зажигал, но кухня его не интересовала. Я слышала его тихие шаги и поняла, что он направляется к спальне, на место убийства.

«Может быть, он что-то оставил в спальне? – подумала я. – Какой-нибудь предмет, по которому его можно опознать? И теперь за ним вернулся?»

Осторожно выглянув из кухни, я увидела темную фигуру в конце коридора, открывающую дверь в спальню.

Дальше события стали развиваться совершенно непредсказуемым образом.

Во-первых, в спальне зажегся свет и тут же раздался приглушенный крик. Словно человек, вошедший в спальню, совершенно не ожидал увидеть в ней убитую женщину.

Во-вторых, вслед за этим отчетливо прозвучало женское имя. Я ожидала всего, чего угодно, но только не того, что голос Салько, который я тотчас узнала, хотя он был искажен ясно звучащей в нем интонацией удивления и страха, произнесет вместо имени своей жены другое женское имя.

– Настя?! – вскрикнул Салько, и свет в спальне тотчас погас.

Я отпрянула вновь к стене, а мимо меня пронесся по коридору Салько и, выскочив за дверь, торопливо закрыл ее на замок.

Окончательно потеряв какое бы то ни было представление о происходящем у меня на глазах, я бросилась вслед за ним из квартиры.

Только оказавшись на улице и отойдя от злополучного дома на порядочное расстояние, я испытала некоторое облегчение.

Кажется, на этот раз пронесло! И что у меня за удивительная способность ввязываться в истории! Впрочем, нет худа без добра. Если бы я не ввязывалась в истории, разве мне удалось бы так поднять тираж «Свидетеля» всего за несколько номеров?

И что за дурацкая у меня привычка настаивать на своем, не прислушиваясь к советам людей, которые мне не желают ничего плохого, а, наоборот, хотят предостеречь от необдуманных поступков!

Почему я не выслушала Маринку сегодня в редакции? Высокомерно промолчала. А ведь она, пожалуй, сумела бы меня отговорить от этой дурацкой затеи! Разве я по-другому не могла решить свои проблемы? Обязательно мне было соглашаться на предложение этого Мефистофеля, брать с него деньги, давать ему расписку?!

Я внезапно остановилась и чуть не села на асфальт, поскольку ноги у меня подкосились. Расписка!

Там же черным по белому написано, что я берусь за это дело, и число сегодняшнее стоит. И подпись на ней – моя.

Я даже застонала, вспомнив, как я курила в библиотеке и пила кофе на кухне.

Он же специально сказал мне и про кофе, и про то, что можно курить! И я как дурочка клюнула на обе его подставки!

И теперь в этой квартире полно моих отпечатков! И на кофейных чашках, и на пепельнице, и на полированном столе в библиотеке...

Да и еще, наверное, черт знает где! Я же могла наследить где угодно! Не возвращаться же сейчас туда и не протирать же в этой квартире все подряд. Так мне до утра времени не хватит. А этот Арнольд-Алексей наверняка уже вызвал милицию и сообщил им, что в его доме лежит в спальне убитая мною его супруга.

Стоп! Но зачем же он вернулся второй раз и почему назвал свою жену Настей? Ведь ее, если мне не изменяет память, зовут... Евгения? И еще, по-моему, его сильно удивило то, что он увидел в спальне. Удивило и ужаснуло.

Нет! Вряд ли он поднимет шум сразу, прямо сейчас, ведь убил-то ее он сам, когда приходил первый раз. Я ясно различила костюм Мефистофеля и грим, который ни с каким другим

не спутаешь. Он не будет торопиться звонить в милицию. Вместо этого он, как обычно, поздно вернется из театра и непременно кого-нибудь пригласит с собой, чтобы обнаружить ее тело при свидетелях!

Я присела на скамейку у выхода из парка и приложила ладонь ко лбу. Голова моя пылала как в лихорадке.

«Что-то я совсем соображать перестала, – подумала я. – Я ведь знаю, что ее убил сам Арнольд! Мне нужно срочно найти подтверждение, что в момент убийства его не было в театре. Если к этому свидетельству я приложу фотографию, на которой, буду надеяться, хоть что-то можно разобрать, то мне удастся выпутаться и направить основные подозрения против него самого. У него ко всему прочему был и мотив для убийства – ревность! А у меня? У меня никакого мотива быть не может. Разве что – ограбление, но это слишком уж неправдоподобно».

Немного повеселев, я решила тут же отправиться в театр и, не теряя времени, пока спектакль еще не закончился, найти свидетелей, которые подтвердят, что Арнольд Салько покидал театр незадолго до убийства.

Когда оно, кстати, произошло? Что-нибудь около восьми...

До театра пешком минут десять, а если на машине, можно успеть максимум за четыре.

Сколько он находился в квартире?

Минут пять.

Четыре минуты обратно.

Добавим по минуте на то, чтобы войти в дом, открыть-закрыть квартиру и выйти из дома.

Получается – пятнадцать.

Ему нужно было всего пятнадцать минут, чтобы совершить это преступление. Мог он выкроить четверть часа во время спектакля?

Я напрягла память, вспоминая спектакль, виденный мной полгода назад.

По-моему, там достаточно эпизодов, в которых Мефистофель подолгу не появляется на сцене. Надо только выяснить, какой эпизод шел во время убийства – начиная, скажем, с без четверти восемь до четверти девятого... А ведь есть еще антракт, во время которого можно смотреть даже и в более отдаленный район Тарасова, натворить там дел и благополучно вернуться, не привлекая ничьего внимания в театре!

Почти бегом я отправилась к театру. По моим расчетам, спектакль еще не должен был кончиться, и обилие идущих мне навстречу людей сильно меня обеспокоило. Наверняка это были зрители, возвращающиеся из театра домой.

– Простите, – обратилась я к какой-то пожилой парочке, – не подскажете, спектакль в драме уже кончился?

Женщина раздраженно посмотрела на мои длинные ноги и ничего в ответ не сказала, а мужчина пробормотал как-то смущенно:

– Да, знаете ли... Раньше времени.

– А почему раньше? – спросила я, но они уже показывали мне свои спины.

«Что-то тут неладно! – забеспокоилась я, прибавив после этого разговора шагу. – Почему он сказал: «Раньше времени»?»

В фойе перед кассами театра все еще толпился народ. Часть зрителей, как я поняла, оккупировала кассу и требовала немедленно вернуть назад деньги за билеты. В окошке кассы мелькала растерянная физиономия главного администратора, который что-то бубнил, но его совершенно не было слышно за возбужденными голосами недовольных зрителей.

Вместо билетерш на входе непосредственно в театральное помещение, к гардеробу, стояли милиционеры.

– Послушайте, что случилось? – ухватила я за рукав какого-то парня лет шестнадцати.

Он дернул рукой, освобождая рукав своей джинсовой рубашки, и собирался пройти мимо, но бросил взгляд на мои ноги и остановился.

– Там кого-то убили, – сказал он. – Во время спектакля. А вы разве не оттуда?

Он показал рукой на вход, в котором маячила фигура милиционера.

Я покачала головой, пораженная его сообщением. Неужели милиция уже обнаружила труп и арестовала Салько? Но как они догадались, что убийца – он?! Может быть, он сам пошел к ним и признался? Такие случаи иногда бывают...

– Убили? – переспросила я с довольно тупым, наверное, видом. – Кто-то из артистов убил?

– А кто ж его знает, – пожал плечами парень. – А давайте я вас провожу и по дороге все расскажу! Вам в какую сторону?

– Подожди! – поморщилась я, все еще не понимая ничего. – А как же обнаружили труп?

– Откуда ж я знаю – как? – усмехнулся парень. – Прямо во время действия сначала визг за кулисами, потом вылетает на сцену какая-то тетка и орет благим матом: «Убили! Убили! Милицию вызывайте!» В зале шум, естественно. Артисты все со сцены – за кулисы. Потом выходит какой-то мужик в пиджаке, я так понял – директор, и говорит: «Приносим свои извинения, в театре произошел несчастный случай, и мы вынуждены спектакль прервать. Приглашаем всех вас с теми же билетами приходить на любой спектакль в любой день. А сегодня – извините...» А сам как подобрал со сцены шапочку четырехугольную – ее Фауст потерял, когда со сцены убежал, – так и мял ее все время в руках. А руки у него сильно дрожали. Я это хорошо видел, я в четвертом ряду сидел.

– Так он же сказал – несчастный случай! – возразила я. – При чем же здесь убийство?

Парень опять усмехнулся.

– Да соврал он про несчастный случай. У меня тут знакомый один работает рабочим сцены, я сразу к нему побежал, пока милиция не приехала и всеходы за кулисы не перекрыла. Так он говорит, никакой это не несчастный случай. Убийство! Я подробнее у него не успел расспросить, милиция приехала и все из-за кулис обратно в зал ломанулись. Ну, я имею в виду, кто прибежал узнать, что почем. Я же не один такой любопытный оказался. Так вы в каком районе живете, я вам помогу до дома добраться, а по дороге и поговорим заодно о чем хотите. Вас как зовут?

– Оля меня зовут, – ответила я машинально. – Послушай, а ты можешь...

– А меня – Ромой! – перебил он меня радостно. – Так мы идем?

– Стой! – разозлилась я. – Я тоже до ужаса любопытная! Если ты сейчас сможешь найти своего знакомого, так и быть, разрешу тебе проводить меня до дома.

– Запросто! – обрадовался парень и тут же исчез.

Я посмотрела по сторонам, наблюдая, как рассасывается народ у входа, и через три минуты увидела вновь Рому, который тащил за руку еще одного парня, на вид чуть постарше, с длинными прямыми черными волосами..

– Вот! – сказал он торжествуя. – Еле успел перехватить у служебного входа. Он уже домой уходил. Еле уговорил сюда подойти!

Первое, что сделал парень, пришедший с Ромой, – окинул меня взглядом с ног до головы, причем на ногах его взгляд немного задержался, и я сразу поняла, как Роме удалось «угговорить» этого парня встретиться со мной.

– Ты работаешь в театре? – спросила я. – Что там у вас произошло?

Парень продолжал меня оценивать, и я читала на его лице все, что сейчас прокручивается в его голове. «Старовата, конечно, – наверняка думал он. – Но ножки... Отпад!»

– Ладно, пошли! – скомандовал он нам обоим. – Что на улице-то болтать. Тут кафешка есть рядом, там всегда винишко есть очень неплохое...

И, не дожидаясь моего согласия, потащил меня за руку через дорогу. На противоположной стороне, чуть наискосок от театра, я увидела вывеску – «Театральное». Я покорно последовала за своим потенциальным источником информации.

В кафе было всего четыре столика, и два из них оказались свободными. Мы уселись у окна, парень постарше подошел к стойке и вернулся с открытой бутылкой дешевого портвейна и двумя стаканами.

– За знакомство, – сказал он, разливая портвейн по стаканам.

Рома смотрел на него с некоторым восхищением и в то же время обиженно.

Парень заметил его взгляд и свысока усмехнулся.

– А тебе не надо, – сказал он, демонстративно отодвигая от него бутылку. – Опять от матери влетит. Я же и виноват буду.

Ромка по-мальчишески надулся. Потом вскочил и начал шарить по карманам. Найдя какую-то мелочь, он почти бегом направился к стойке и вернулся к нам со стаканом портвейна. Сев на свое место, он независимо посмотрел на своего знакомого и тоже сказал мне:

– За знакомство!

«Только напиток с вами мне и не хватало!» – подумала я и сказала вслух:

– Я портвейн не пью. Купи мне сухого.

Парень на секунду смутился, и я сразу поняла, что у него денег больше нет. Он откинулся на спинку стула и посмотрел на меня развязно.

– А что? – спросил он наглым тоном. – Портвешком брезгуешь, что ли?

– Валер, что ты цепляешься? – вылез Рома, которому очень не хотелось со мной ссориться. – Ну не хочет она!

– Закройся! – спокойно сказал ему Валера, не поворачивая головы и глядя откровенно на вырез моего платья.

– Не то чтобы не хочу, – заюлила я перед этим сопляком (чего не сделаешь ради дела), – просто я от портвейна дурею.

– Так это ж самый кайф! – ухмыльнулся Валера. – Задуреть и оторваться на полную катушку!

Я поняла, что ситуация складывается не лучшим для меня образом. Этот Валера сразу почувствовал каким-то образом, что я очень заинтересована в том, что он знает о случившемся в театре, и теперь просто «внаглую», выражаясь его языком, меня шантажировал.

«Черт с тобой! – подумала я. – Я тебе подыграю, но эту твою ухмылку запомню!»

А вслух я сказала:

– Ладно, я выпью! Но только после этого ты расскажешь мне очень подробно все, что знаешь о случившемся сегодня в театре. Согласен?

Вместо ответа он вновь поднял свой стакан с портвейном и повторил:

– За знакомство!

Пришлось выпить.

Честно сказать, мне это не впервой – пить дешевое крепленое вино. Случалось, когда я была еще студенткой и ходила к девчонкам в общежитие в гости, правда, особого удовольствия от этого напитка я никогда не испытывала. Но ради дела... Почему бы и не выпить?

Выпили.

Ромка тоже осушил полстакана. Закусывать было нечем.

– Ну? – сказал Валера.

– Что «ну»? – ответила я. – Начинай!

– Короче, так! – заявил он. – Сегодня во время спектакля какая-то гнида замочила дядю Васю. Мужик был отличный, всегда под градусом и угощал, когда ни попросишь! Кому он помешал – даже предположить трудно!

– Стоп-стоп-стоп! – воскликнула я, чувствуя, что портвейн слегка ударил мне в голову. – Я же сказала – с самого начала!

Валера помотал головой.

– Нет! – заявил он. – Ты этого не говорила!

– Теперь – говорю! – возразила я. – С самого начала! Или я пошла!

– Не нарывайся... – процедил он сквозь зубы.

– На что? – спросила я его угрожающе.

– На совет... – пробормотал он, чувствуя, что немного перегнул. – Давай так! Сейчас еще выпьем, и я начну с самого начала!

– Давай! – согласилась я.

Выпили еще по полстакана.

На этот раз портвейн показался мне совершенно отвратительным. Голова плыла все сильнее, и я уже подумала, что опрометчиво согласилась пить эту гадость.

Поглядев на Ромку, я увидела, что он раскраснелся, глаза его неестественно блестят и он не сводит взгляда с моей груди. Валера держался более трезво.

– Во втором действии, в самом начале, мне на сцену идти, декорации менять, прямо на глазах у зрителей. У нас занавес вообще не закрывается. Не знаю почему. То ли это режиссерская находка, то ли просто сломалось там что-то в лебедке, хрен его знает... Короче, ташу я на сцену трон для Арнольда, он на нем во время шабаша ведьм должен сидеть, вдруг за кулисами – вопль! Кто орет – не разберешь. Визжит кто-то, как ножом его режут. Вроде – баба. Мы все на сцене замерли. И мы, рабочие, и артисты – тоже. Как раз пауза в действии, ни музыки, ни разговоров. И вдруг этот вопль. Весь зал слышал. Секунд через двадцать вылетает на сцену костюмерша Валька, дура набитая, хотя ей уже под пятьдесят, наверное, и орет во все горло: «Убили! Убили! Милицию вызывайте!»

– Кого убили? – спросила я, потеряв терпение. – Женщину?

Валера ухмыльнулся.

– Какую, блин, женщину! Я же говорил тебе – дядю Васю убили, пожарника! Ты, видно, уже совсем задурела! Правильно сказала – дуреешь ты от портвейна. И что ты меня перебиваешь, мать твою! Сама же просила – с самого начала! Будешь перебивать – еще бутылку куплю!

Как ни сильно шумело у меня в голове, я сообразила, вспомнила, что денег-то у него нет. Купит он!

Но он залез куда-то под рубашку, что-то там у себя нашарил и вынул из-за пазухи мятый-пермятый полтинник.

– Неприкосновенный запас! – сказал он многозначительно. – Расходуется только в чрезвычайных ситуациях. А сейчас, похоже, именно такая и есть.

И посмотрел на меня с каким-то намеком.

«Да пошел ты! – подумала я. – Знал бы ты, с кем сидишь, сопля! Я, между прочим, главный редактор газеты «Свидетель»! Слышал про такую? Вот так-то вот!»

– Продолжай, – сказала я. – Эту допьем, купишь еще. До утра далеко!

Валера слегка дернулся, услышав последнюю фразу, и посмотрел на Ромку с таким наполеоновским выражением, а тот нахохлился и уткнулся носом в стакан.

«Эх, пацаны! – подумала я. – Какие ж вы еще глупые! Мозги у вас явно отстают от всего остального».

– Продолжаю! – объявил он, думая, конечно, не о том, что было в театре, а о том, что будет предстоящей ночью – как он себе это воображал. – Со сцены все – за кулисы. Про зрителей забыли. Кого убили, где? Никто не знает. Заметались. Потом сообразили Вальку спросить. Она трясется и твердит только: «В запаснике... Нож в спине». Я с парнями – туда, на склад, где декорации выездных спектаклей хранятся. Влетели и чуть не наступили на него... Я сразу понял, что это дядь Вася. Его красный пиджачок замызганный, его затылок с лысиной в полголовы. Не спутаешь. Из-под левой лопатки нож торчит. По самую рукоятку всадили. Я и нож сразу узнал – сапожника нож, из костюмерного цеха. Видела, может быть, такой, у сапожников часто такие бывают – из куска рессоры делают. Рессору выпрямляют, срезают под углом и затачивают. Острый, сволочь, не дай бог. Я к дядь Васе, пульс на шее ищу – нет. Не дышит

уже. Его, наверное, сразу – насмерть. Под левую все же – похоже, в сердце вошел. Опытный какой-то мясник его грохнул. Умело грохнул, тут уж ничего не скажешь...

– Так кто же его – сапожник? – спросила я.

Валера посмотрел на меня масляными глазами.

– Еще раз перебежь, остальное дорасскажу утром, – пригрозил он.

– Утром ты отсыпаться будешь, – возразила я, посмотрев на него многообещающе. – Я же сказала – дурею от портвейна!

Валера судорожно глотнул и дернул плечами.

«Все! – подумала я. – Поверил, что он мне понравился и что эту ночь я проведу с ним.

Теперь начнет все свои козыри поскорее сдавать...»

– Сапожника я сам допросил, пока менты не приехали. Если бы он, я бы ему за дядь Васю башку оторвал. Тот свой мужик был. А сапожник – гнида, татарин, трешку не выпросишь до зарплаты. Трясется над каждой копейкой... Я сначала точно на него подумал. Вечер же, спектакль идет, а он в театре торчит, какие-то ботфорты шьет. Я ломик пожарный взял у задней стены сцены – и в костюмерный, в закуток, где сапожники сидят. Сгреб его за воротник...

Валера продемонстрировал нам с Ромкой свою руку, чтобы мы представили, как он держал сапожника за воротник. Мы представили.

– Все, говорю, гнида! – продолжал он. – Молись своему Аллаху! Сейчас я тебя за дядю Васю изуродую!..

Он вдруг усмехнулся.

– Но он же не один там сидел. Сапожников трое в театре, у них срочный заказ был к премьере, они день и ночь сейчас пашут. Двое других подскочили, начали орать, что он с места не вставал с самого начала спектакля, не выходил никуда... Ни при чем оказался. А жаль я ему не зарядил ломиком между глаз!

– Так кто ж его убил-то? – спросила я, окончательно сбита с толку, никак не могла сообразить – при чем здесь сапожник? – Не сам же дядя Вася себе нож в спину всадил.

– Не гони! – ухмыльнулся Валера. – Успеет! До утра далеко.

Я вдруг вспомнила, что это убийство в театре совсем отвлекло меня от той цели, с которой я сюда шла. Меня же в первую очередь интересует Салько-Мефистофель, а не убитый пожарник.

Тьфу ты, черт! Морда пьяная! Давай-ка выруливай! Портвейн она, видите ли, пьет! Перед сопляками комедию ломает. Тоже артисткой себя возомнила, что ли?

– Кто-то из ваших его убил? – спросила я. – Из артистов?

– Почему – из артистов? – удивился Валера. – В театре работают триста человек, а труппа всего – пятьдесят три. Ты что сразу на артистов-то наезжаешь?

Он почему-то обиделся за артистов. Я вообще заметила, что он, чем больше пьянел, тем агрессивней становился. Случай типичный, особенно для его возраста.

Я погладила его по щеке и провела пальцами по шее и безволосой груди между расстегнутыми верхними пуговицами рубашки.

– Валерик, – сказала я умоляюще. – Кто же его убил? Ты же знаешь, Валерик!

– Не называй меня Валерик! – огрызнулся он, хотя мое прикосновение было ему приятно: я почувствовала, как по коже у него пробежали мурашки.

– А как? – спросила я, кося под дурочку.

– Валет! – объявил он. – Меня так в театре называют.

Я поморщилась.

– Фу, валет! – сказала я разочарованно. – Почему не король?

– Ты достать меня хочешь, да? – прошипел он, схватив меня за руку чуть выше локтя. – Ты любишь, когда тебя бьют, да? У меня были такие бабы! Я их так лупил – сами кончали,

без меня! Сейчас ко мне пойдем. У меня там все для тебя есть! И наручники найду, и дубинку резиновую, и плеточку...

Ромка смотрел то на него, то на меня, широко открыв глаза. Он даже протрезвел немного. Но молчал, не вмешивался, да его, собственно, и не просил никто вмешиваться.

– Плеткой по спине – кайф! – простонала я и заерзала на стуле.

Валера поднялся и рванул меня за руку.

– Пошли! – приказал он.

«Клиент дошел до кондиции! – вспомнила я фразу из какого-то старого смешного фильма советских времен. – Пора заканчивать комедию».

Я дернула его вниз, и он плюхнулся от неожиданности обратно на стул.

– Сядь! – сказала я ему очень жестким и даже угрожающим голосом. – Сначала ответишь на мои вопросы!

– Ты что? – растерялся он от произошедшей со мной перемены. – Какие вопросы?

Я усмехнулась зловеще.

– Вопросы, необходимые для полного выяснения обстоятельств совершенного в театре убийства! И предупреждаю тебя об ответственности за дачу ложных показаний. Какого черта ты мне тут битый час лапшу на уши вешаешь? – спросила я. – Дружка своего выгораживаешь? Я же дала тебе шанс! Ты им не воспользовался. Теперь все это очень похоже на укрывательство!

Ромка даже рот раскрыл от удивления, на меня глядя. Валера хлопал глазами и что-то напряженно соображал, быстро трезвея. Он явно принимал меня за опера из милиции, чего я, собственно, и добивалась.

– А... Меня уже допрашивали... – пробормотал он, растеряв всю свою наигранную агрессивность и высокомерие. – Я рассказал все, что знал.

– Во-первых, – заявила я, – ни с каким сапожником ты драться не собирался. Это ты наврал.

Валера густо покраснел.

«Угадала!» – поняла я.

– Во-вторых, – продолжала я, – почему ты ничего не сказал про своего дружка – Арнольда Салько?

Тут он так вытаращил на меня глаза, что мне это показалось даже неправдоподобным – таких больших глаз просто не бывает!

– Салько? – пробормотал он. – Но мы с ним даже незнакомы!

– Продолжаешь упираться! – сказала я. – Отлично! Этим мы еще займемся, я тебе обещаю! А теперь быстро отвечай на вопросы, не думая! Какая сцена в спектакле шла в восемь часов?

– Пьянка в кабаке Ауэрбаха! – без малейшей запинки ответил он.

Я тут же скисла. Его ответ разрушил все мои надежды поймать Арнольда в ловушку. Если шла сцена в кабачке, то Салько должен был в ней участвовать. Мефистофель показывает там всякие фокусы с вином, песню, кажется, поет...

Но как же это могло быть, ведь я сама видела его в квартире, где он душил свою жену! Ничего не понимаю...

– Только я никакой не приятель Арнольда Салько! – заволновался Валера, видя, что я задумалась. – Он вообще ни с кем не дружит...

Он вдруг запнулся, и я не пропустила это мимо ушей.

– Кроме? – спросила я.

Валера смутился окончательно.

– Кроме дяди Васи, – выдавил он из себя. – Которого убили сегодня.

– Ах, вот как! – воскликнула я. – Отлично! Сейчас мы поедем к тебе, дружок. Там ты все и расскажешь. И поверь мне, нам очень пригодятся и наручники, и плетка, и резиновая дубинка.

Валера вдруг вскочил и, уронив стул, бросился к выходу на улицу. Ромка дернулся за ним, но, услышав мой смех, остановился.

– Куда он? – спросил он взволнованно. – Он же убежит! Я догоню.

– Не советую! – сказала я, смеясь. – Нос тебе он точно разобьет. Представляешь, каким ты домой заявишься – пьяный, нос распухший, рубашка в крови. Кошмар! Что мама скажет?

– Да нет матери сейчас дома! – обиделся почему-то Рома. – Уехала она к бабке в деревню. У-е-ха-ла! Один я сейчас дома живу.

Про отца я говорить ничего не стала. Раз он сам про него молчит, словно его вообще не существует, значит, и говорить не о чем. Вернее – не о ком.

Я заметила, что стоит он покачиваясь, и вздохнула. Вот еще забота на мою голову.

– Ну что ж, – сказала я. – Пошли, домой тебя отведу. А то тебе в вытрезвителе ночевать придется... Дом-то твой помнишь где?

– Я сам! – заявил он. – Не надо.

– Надо, Рома, надо! – уговаривающим тоном сказала я. – Поверь мне – надо. В этом нет ничего обидного, что я провожу тебя домой.

– Нет! – помотал он головой. – Лучше я тебя провожу. То есть вас.

– Нет уж, спасибо, дружок, – улыбнулась я. – Ко мне сейчас нельзя. Неприятностей наживешь.

– Понятно... – промычал он, подумав, вероятно, о том, что дома меня ждет муж, хотя я-то имела в виду не мужа, конечно, а опергруппу, которая вполне могла уже меня поджидать дома, если Салько сообразил вовремя сообщить в милицию о моем с ним договоре.

– Ничего ты не понял... – вздохнула я. – Но ко мне действительно лучше не ходить, а ты, уж поверь мне, загремишь в милицию, если пойдешь сейчас один. Вокруг театра ментов полно.

Но он упрямо покачал головой. Он хотел уважать себя, правда, не знал еще толком – как. Эх, мальчишка!

– Тогда давай сделаем так, – предложила я. – Ты сейчас пригласишь меня к себе, я согласюсь, и мы спокойно пойдем.

Он задумался на несколько секунд, потом кивнул головой и сказал:

– Оля, пойдемте ко мне? У меня есть отличный растворимый кофе.

Он вдруг икнул и добавил:

– И записи отличные. На дисках!

Я улыбнулась.

– Пошли! – сказала я. – Люблю кофе. Особенно растворимый.

Глава 3

До Роминого дома мы добрались без приключений. Всем известно, что милиция никогда не забирает мужчин, даже очень пьяных, если они идут с женщиной. Любой милиционер знает, что женщина своего мужчину ни за что им не отдаст, разве что с боем.

А вот дальше начались мучения. На улице Рома еще держался, а войдя в подъезд своего дома, расслабился и раскис.

Он повис на мне, глядя прямо перед собой совершенно бессмысленными глазами, и я вынуждена была посадить его на пол, потому что не знала, в какой квартире он живет, а на вопросы мои он вообще не реагировал. Пришлось пошарить у него по карманам.

Хорошо, что у него оказалась какая-то квитанция, он в ремонт что-то сдал совсем недавно. Что именно, меня не интересовало, а вот адрес там стоял, и номер квартиры в ней был указан. Ключи я тоже нашла.

Когда мы поднимались на шестой этаж, я с ужасом подумала, что было бы, если бы лифт не работал. На себе его пришлось бы тащить? Уж больно он оказался тяжелым. Или я просто устала?

С трудом я приволокла его к дверям квартиры, открыла дверь и прямым ходом оттранспортировала его в ванную комнату.

Стянув с него рубашку, брюки и все остальное, я усадила его в ванну и начала приводить в чувство.

Минут через пятнадцать интенсивного контрастного душа он открыл глаза и посмотрел на меня.

– Ну, что, малыш, хочешь еще стаканчик портвейна? – спросила я.

Услышав мои слова, он болезненно сморщился. Наконец он почувствовал себя гораздо лучше и, кажется, вспомнил, кто я такая, хотя и не замечал еще, что сидит в ванне в обнаженном виде.

Оставив его завершать отрезвляющие водные процедуры, я ушла на кухню и приготовила кофе – себе и крепкого чая – для Ромки.

Когда я вновь заглянула в ванную, он уже настолько пришел в себя, что страшно смутился своей наготы, хотя и обмотался кое-как полотенцем.

– Теперь марш в постель! – приказала я. – Выпьешь чаю – и спать. И приготовься, что утром голова будет болеть.

Он вышел из ванной и, пошатываясь, побрел в спальню.

«Ну все! – вздохнула я. – Выпью кофе и... Куда? Домой? Не хотелось бы. Кто знает, что меня там ждет. К Маринке? А если и у нее – засада? К Маринке тоже нельзя. Позвоню Виктору, он найдет для меня что-нибудь. Если не сам – то его друзья-«афганцы» помогут...»

Выпив кофе и почувствовав себя в состоянии вновь выйти на улицы ночного города без острого чувства жалости к самой себе, я посмотрела на себя в зеркало и ужаснулась. Боже! Куда я в таком виде. Нет, нужно срочно привести себя в порядок. И я отправилась в ванную.

Приняв душ, почистив платье и придя к выводу, что выгляжу вполне приемлемо, я собралась уходить и заглянула в спальню узнать, как там Рома – спит, надеюсь.

Свет из коридора падал на кровать, и я увидела, что Ромка забился под одеяло с головой, охваченный крупной дрожью, больше похожей на судороги. Встревоженная, я подошла к нему.

– Как ты? В норме? – спросила я, присев к нему на постель.

Он выглянул из-под одеяла и посмотрел на меня. Он, кажется, что-то хотел сказать, но его губы так тряслись, что получилось лишь невнятное бормотание.

– Тебе холодно? – спросила я. – Укрыть еще чем-нибудь?

Он энергично помотал головой из стороны в сторону.

– Страшно? – догадалась я. – Да не бойся, глупый, я здесь!

Я положила руку ему на голову и вздохнула.

«Синдром абстиненции, – подумала я, – чувство страха, ощущение вины, неуверенность, одиночество, мысли о самоубийстве. Психика у него слабенькая, может и с балкона спрыгнуть. Одного его оставлять нельзя. Я себе потом не прощу, если с ним что-то случится. Придется, наверное, остаться...»

Утром, когда Рома проснулся, я уже была одета и пила кофе.

Он вошел в кухню, уселся передо мной и с каким-то восторженным интересом заглянул мне в глаза.

– Кто вы, Оля? – спросил он.

– Зови меня на «ты», дружок, – рассмеялась я. – Кто я? Женщина, у которой проблем гораздо больше, чем возможностей их решить.

– Оля, а... – запнулся он. – Ты помнишь, что вчера было?

– Ах да! – хлопнула я себя по лбу. – Я же вляпалась в такую скверную историю! Как я могла забыть!

– В какую историю? – пробормотал Рома. – С убийством в театре?

– С убийством, – ответила я. – Только не в театре. И меня теперь наверняка ищет милиция...

– Почему? – спросил Рома, который никак не мог понять, что это возможно – за один день столкнуться с двумя случаями убийства, хотя до этого за шестнадцать лет ни разу не приходилось.

– Потому что подозревают меня в убийстве жены этого Мефистофеля, Арнольда Салько. А я ее вовсе не убивала.

Поверил он мне моментально. Я для него теперь была идеалом, и мне даже как-то совестно стало, показалось, что я хочу воспользоваться этим и манипулировать им. Но, поразмыслив секунду, я сообразила, что это уже ложные навороты в Маринкином духе. Я просто нахожусь в сложной ситуации и вправе рассчитывать на его помощь. Если он, конечно, согласится мне помочь.

Я серьезно посмотрела ему в глаза.

– Рома, – сказала я, – мне нужна твоя помощь. Очень нужна. В конце концов, ты мне кое-чем обязан...

Он напрягся. Но я улыбнулась и продолжила:

– Ты, наверное, не помнишь, как я тебя вчера на себе сюда тащила?

– Ах да, конечно... – смущенно забормотал Рома. – Конечно, я помогу. Но... Что я могу сделать?

– Главное – ты мне хочешь помочь, – сказала я. – Значит, можешь все!

Он посмотрел на меня удивленно и в то же время – с надеждой.

– Правда-правда, – сказала я. – Главное – поверить в свои силы. Уж послушай меня. Я сама прошла через это...

– А все-таки, кто вы, Оля? – спросил он.

– Потом я тебе все расскажу, Ромка! – пообещала я, смеясь. – А сейчас нам с тобой пора действовать, если мы не хотим проиграть эту партию.

– Ладно, – просто согласился он. – Говорите, что нужно.

– Тебе придется немного побегать по городу, – предупредила я его. – Сначала ты сходишь в парк отдыха, в Короленковский, найдешь там дом, в котором живет Салько из театра драмы, и осторожно там покрутишься. Внутрь смотри не заходи ни в коем случае. Вчера вечером, во время спектакля, там была убита его жена. К ментам попадешь – они сразу же на меня выйдут...

– А при чем здесь вы, Оля? – спросил Ромка.

– Я тоже была там вчера вечером, как раз во время убийства... – сказала я. – Что ты так на меня смотришь? Нет, конечно, это не я ее убила. Как я там оказалась – долго рассказывать. Это – потом.

– Но вы же знаете, кто ее убил? – спросил Ромка.

– Может быть, и знаю, – туманно ответила я, – а может быть, и нет. Но об этом тоже – потом. Мне нужно узнать, что там за обстановка. Лучше всего, если ты сумеешь поговорить с кем-нибудь, кто живет в этом доме... Не бойся проявить любопытство, это черта обычная для нормального человека. Подозрение и неприязнь вызывают те люди, которые ничего не спрашивают, а только наблюдают. Их считают высокомерными.

Ромка кивнул головой – понял, мол.

– Отлично! – сказала я. – Потом пойдешь на улицу Советскую, в дом с кариатидами, номер я не помню, но он один там такой, мимо не пройдешь. Внизу – старушки...

– А вверху – молодухи, – перебил меня Ромка. – Знаю, знаю.

– Смотри-ка, молодухи-то как тебе запомнились! – пошутила я и тут же об этом пожалела, так как Ромка немедленно залился краской.

– В общем, найдешь там вторую квартиру, позвонишь. Спросишь Серафиму Наумовну. Это соседка моей...

Я хотела сказать «секретарши», но это вызвало бы его новый вопрос обо мне, и я сказала:

– Моей подруги Марины. Она женщина очень сообразительная. Увидев тебя, не удивится, а будет думать, от кого ты. А ты смотри – если там почувствуешь засаду...

Я внимательно на него посмотрела.

– Ты понял? – спросила я. – Не увидишь, не услышишь, а только почувствуешь!

Ромка кивнул головой.

– Так вот, если только почувствуешь засаду, – повторила я для убедительности, – ни в коем случае не спрашивай Марину, ничего не говори обо мне. Просто передай привет Серафиме Наумовне от какой-нибудь тети Кати или бабушки Доры, все равно от кого, и уходи. Но не спеши и не суетись, чтобы не заподозрили тебя. Серафима и ухом не поведет, если услышит незнакомое имя, да еще и говорить тебе о них что-нибудь начнет.

– О ком? – не понял он.

– Да откуда я знаю о ком? – воскликнула я. – О том, от кого ты ей привет передашь. Но слушай ее внимательно. Она тебе может на что-нибудь намекнуть. Например, где Марину искать. Это обязательно запомни, но сам туда не суйся. Придешь сюда – расскажешь.

Он опять кивнул.

– Теперь дальше. Позвонишь из автомата – из любого, но ни в коем случае не от знакомых или из какой-нибудь конторы, где тебя потом вспомнить могут, – по этому номеру. – Я написала ему телефон на бумажке. – Номер сейчас запомнишь, бумажку мне вернешь, – приказала я. – Я этого человека не могу подводить. За ним слишком много хороших людей стоит, которых он за собой потянет, если что...

Я видела, как Ромка все больше возбуждается от моих поручений. Он доверял мне безоговорочно и даже не думал, что я могу его как-то подставить.

– Человека, который тебе ответит, зовут Виктор, – сказала я. – Скажешь ему буквально следующее: «Дубровина привет передает. Хотела бы встретиться с тобой, да муж ревнивый. Следит за ней, прямо задушить готов, как Отелло. Просто театр какой-то. Что ей передать?» Запомнил?

Ромка повторил все слово в слово.

– Хорошо! – сказала я. – Виктор прекрасно знает, что Дубровина ему привет передать не может, ее убили недавно. Он поймет, что ты от меня. Если спросит, кто ты, – скажешь, сын. Ну-ну, не смущайся, так надо, чтобы он понял, что я тебе доверяю, как самой себе... Виктор

говорит лаконично, приготовься запомнить все, что он скажет. Впрочем, уверена, это будет всего несколько слов.

Я замолчала и немного подумала.

– Кажется, все! – сказала я. – Как все сделаешь – сразу сюда. И прежде чем возвращаться, хорошо посмотри, не следят ли за тобой. Если следят – срочно звони сюда и быстро говори все, что успел узнать. Если арестуют, скажешь им как было: встретил меня вчера у театра, выпили, пригласил меня к себе, а утром я попросила тебя об одолжении – а больше ты ничего не знаешь. Это все можешь рассказывать, потому что они все и сами узнают, да и нет в этом особого секрета. А ты просто помог мне, и все. Тебя могут задержать от силы на трое суток, потом должны выпустить... Теперь иди. И помни, что я жду тебя с нетерпением.

Не знаю уж, как он понял мою последнюю фразу, но к двери он бросился стремглав. Я еле успела остановить его еще одним вопросом.

– Да! – воскликнула я. – погоди! Мне нужно пленку проявить. У тебя фотоаппарат есть? И всякие премудрости для проявки?

– Нет, – сказал он растерянно. – А надо?

– Очень надо, Рома! – подтвердила я. – Тогда зайдешь еще в фототовары и купишь следующее... Я написала ему список всего, что мне было необходимо: фиксаж, проявитель, фотобачок, разные добавки для ускорения проявки и усиления контрастности, ну и прочую ерунду, дала денег и выпроводила.

Делать мне, пока он не вернется, было нечего, только – ждать. А этого я просто не умела.

Впрочем, у меня была одна проблема, которую стоило серьезно обдумать. Мне не давало покоя свидетельство вчерашнего Валеры о том, что Салько был на сцене, когда произошло убийство.

Этого я не могла понять. Кто же тогда был в его квартире? Не он? Это могло, впрочем, быть и так. Я же не видела фактически самого Салько. Я видела человека в гриме Мефистофеля. А разве не мог кто-то надеть такой же костюм, в котором Салько выходит на сцену, сделать такой же грим?... Не так уж и сложно, если подумать. В этом нет ничего невозможного.

Но тогда выходит, кто-то другой знал, что я буду наблюдать за свиданием жены Салько, и переоделся в Мефистофеля, чтобы я приняла убийцу за Арнольда Салько. Что же получается?

Салько нанял меня фотографировать его жену в момент любовного свидания. Так.

Кто-то другой вместо него приходит и убивает его жену. Так.

Этот другой хочет, чтобы я приняла его за артиста, мужа убитой женщины. Так.

А зачем?

Чтобы подставить его и повесить на него это убийство? Но почему меня тогда сначала заперли в библиотеке, подсунули ключ, который не подходит к двери, а настоящий положили на стол, чтобы я потом его нашла и сумела оттуда выбраться? Причем сделал это Салько, в этом я не сомневаюсь, он сам отдал мне ключ!

Зачем ему-то это было нужно?

Ответ у меня только один – чтобы подставить меня! Но тогда выходит, он знал, что его жена будет убита, и постарался отвести подозрения от настоящего убийцы? Может быть, они в сговоре и Салько выгораживает человека, который убил его жену, подставляя меня?

Но почему же этот человек был в гриме Салько? Чтобы запутать следствие?

«Вот черт! – подумала я. – Как жаль, что я забыла вспышку! Сейчас бы у меня была четкая фотография убийцы, и по ней, вполне возможно, удалось бы узнать – сам Салько убивал жену или это был кто-то другой в его гриме!»

Но он же не мог убить ее сам, он в это время играл сцену в кабачке Ауэрбаха в спектакле, который смотрели несколько сот людей, и все они подтвердят его алиби!

И еще. Почему он назвал убитую Настей, если его жену зовут Евгенией, как он сам мне рассказывал? И почему он так удивился и испугался, когда включил свет в спальне? Да и зачем

он вообще его включал, раз он знал, что я наблюдаю за всем, что происходит в спальне, и не только узнаю его, но и сфотографирую даже? Он, получается, хотел сам себя скомпрометировать? Чушь какая-то!

Я почувствовала, что запуталась и голова у меня идет кругом.

А тут еще одно неожиданное воспоминание окончательно сбilo меня с толку.

Я совершенно четко припомнила, что, выходя вчера из редакции, сунула фотовспышку в свою сумку.

Да-да! Я сунула ее в сумку, а когда она мне понадобилась, там ее не оказалось! Вопрос: куда она делась? Не могла же я ее просто потерять! Со мной такого никогда не случалось. Я никогда и ничего не теряла.

«Салько! – осенило меня. – Это он украл у меня вспышку, заранее зная, как будут развиваться события и желая помешать мне сфотографировать убийцу. Значит, он точно с ним в сговоре!»

Но мое возбуждение при этой мысли тут же сменилось опять унынием. Я точно помнила, что Салько ни на секунду не подходил близко к моей сумке, которую я не выпускала из рук, даже когда пила на кухне кофе. И кроме того, если это он украл вспышку, значит, он хотел лишить меня возможности сделать снимок в темноте! Значит, он не собирался включать свет, когда крал вспышку, но все-таки включил его, едва войдя в спальню! Что-то у меня концы с концами не сходятся в моих рассуждениях.

Да и не было у него возможности украсть вспышку. Я хорошо помню, что он физически не мог этого сделать, сумка все время, пока он был в квартире, находилась у меня.

Против него нет ни одного доказательства, даже косвенного, что он причастен к смерти своей жены.

И тут мне вспомнились мерзкие типы из кафе, в котором я обедала, прежде чем пойти на встречу с Салько в его квартире. Эти... как их... Саша и второй! Точно! Вспышку могли стащить только они, больше никому. Вернее, не они, а именно Саша, который подошел ко мне сзади и наклонился надо мной, шепча какие-то мерзости. Сумка висела на спинке стула у меня за спиной, и украсть из нее можно было не только вспышку, но и вообще все, что угодно. Почему же он тогда не взял фотоаппарат, цена которого раз в пятьдесят выше? Не смог его вытащить? Вспышка сверху, что ли, лежала? Да нет, я хорошо помню, что сунула ее на самый низ.

Остается одно – он взял вспышку намеренно. Он ее искал в моей сумке, нашел и взял ее, ничего больше не тронул. Зачем?

Опять вопрос, на который я не могу ответить!

Везет мне сегодня на такие вопросы! А что, если этих оболтусов подослал Салько и попросил их украсть у меня вспышку, потому что знал заранее, что убийца будет в его костюме и гриме и я не смогу в полутьме рассмотреть, он это или не он?... Но тогда он не пришел бы сам, а ведь второй раз, когда я уже была на кухне, в квартире был именно Салько, я узнала его голос! Это он приходил. Но опять-таки – зачем, господи! Зачем ему вообще туда нужно было приходить?

Голова моя отказывалась думать об этом. Я почувствовала, что совершенно не выспалась, провозившись полночи с Ромой, и растянулась на кровати. Глаза мои сами собой закрылись...

Разбудил меня чей-то осторожный кашель совсем рядом со мной. Я резко поднялась, мгновенно проснувшись, и села на кровати. В одном кресле я увидела Рому, а в другом – Виктора. Оба сидели и молча смотрели на меня. Похоже, они уже долго так сидели.

– Витька! – сказала я возмущенно. – Почему сразу не разбудил?

– Не позволил, – ответил Виктор, посмотрев на Рому, который, конечно же, немедленно залился краской.

– Я хотел, чтобы вы отдохнули... – пробормотал он.

Странная волна досады на него, смешанной с благодарностью, накатила на меня. Я сама чуть не покраснела, но вовремя заставила себя выбросить из головы все, что не имеет отношения к делу.

– Ладно, – махнула я рукой и посмотрела на Ромку. – Сначала ты. Рассказывай.

– Я в этом деле мало что понимаю, – сказал Рома, подбирая слова. – Но и вы, Оля, кажется, разобрались не во всем.

Я насторожилась.

– Ну-ка, ну-ка, – оживилась я, предчувствуя интересные для себя новости. – Рассказывай, в чем это я не разобралась?

– Во-первых, в парке нет дома, в котором живет артист театра драмы Арнольд Салько, – заявил вдруг Рома. – Я даже обиделся сначала, думал, вы посмеялись надо мной, пока не понял, что вас просто кто-то ввел в заблуждение.

– Но я же была в нем... – пробормотала я в полной растерянности. – Снесли, что ли? Зачем?

– Да не сносили там ничего! – воскликнул Рома, встревожась оттого, что я ему не поверила. – Салько никогда и не жил в парке. Он на набережной живет лет десять уже. Я специально узнал сегодня. Валерку разыскал, ну и спросил между делом...

– Как на набережной? – переспросила я, но тут до меня стало кое-что доходить. – На набережной... Так это не его дом. Может быть, его жены?

– Не знаю, – пожал плечами Рома. – Может быть, и жены. Я нашел садовника в парке и поболтал с ним полчаса, он все мне рассказал о тех, кто в парке дома построил. Их всего человек десять. Он всех по фамилиям назвал. Все, говорит, уроды, из-за них, говорит, столько деревьев загубить пришлось. Но фамилии Салько он не называл. Я его тогда сам спросил. Он не слышал такой фамилии никогда...

Я взялась за голову.

– Ладно, – сказала я. – Рассказывай все подряд, все равно я сейчас понять ничего не могу, это ты прав.

– Он мне показал дом, в котором вчера женщину убили, – сказал Ромка.

– Жену Салько! – тут же перебила я его.

– Не знаю, – сказал Рома. – И садовник эту женщину не знает, а он ее рассмотрел хорошо, потому что его понатым вызвали, когда квартиру обыскивали.

– Что нашли? – спросила я.

– Он говорит, ничего не нашли, – ответил Рома. – Ни оружия, ни наркотиков, а больше он ничего не понял, что они там делали. Денег, говорит, много было, но хозяин сказал, что это его, и бумажки какие-то показал – отдали.

– Хозяин? – переспросила я. – Ну да, – сказал Рома. – Толстый такой мужик с золотой цепью, как садовник говорит. Он клялся и божился, что не знает убитую женщину и не понимает, как она попала к нему в дом.

– В библиотеке что нашли? – спросила я.

Ромка кивнул головой.

– На второй этаж, говорит, их пригласили и продемонстрировали какую-то дыру в полу, через которую видно все, что в спальне делается. А хозяин страшно удивился и сказал, что понятия не имеет, откуда взялась эта дыра и кто ее сделал. Он, мол, квартиру купил недавно, перед ним в ней еще кто-то жил, наверное, это от прошлых хозяев осталось...

– Вот как... – только и сказала я. – Убитую милиция опознала?

– Конечно, – кивнул Ромка, – она, если верить садовнику, тоже артистка.

Я заметила, что Виктор в кресле шевельнулся.

– Что, Витя? – спросила я.

– Ельницкая Анастасия, – сказал Виктор. – Солистка театра оперы и балета. В губернских новостях сообщили. Утром. Задумана.

– Так у него жена была балериной? – спросила я, вспомнив хрупкую фигуру женщины, лежащей на кровати, и совершенно забыв о том, что у жены Салько было другое имя – Евгения.

Виктор покачал головой.

– Что, неужели певицей? – спросила я с сомнением.

– Нет, – сказал Виктор. – Не его жена. Муж – Ельницкий Михаил Анатольевич. Директор завода. Станкостроительного.

Я упала головой на подушку и закрыла глаза.

– При чем тогда тут Салько?!!

Виктор хмыкнул. Он тоже ничего не понимал. Я поднялась опять и посмотрела на Рому. Он выглядел немного испуганным и глупым.

– Ладно, – сказала я устало. – Оставим на потом. Как, впрочем, и все остальное. У нас все на потом остается. Я не могу найти ответа ни на один вопрос!.. Извини, Рома... Рассказывай, если, конечно, у тебя есть еще что сказать.

– В дом с кариатидами меня вообще не пустили, – сообщил Рома. – Там два мента в подъезде стоят. Я только остановился, чтобы старух лучше рассмотреть... Я имею в виду – каменных... А они меня от подъезда шуганули... Я имею в виду – менты, а не старухи... Я сразу понял, что туда ходить не нужно...

– Ясно, – сказала я. – У Маринки меня ждут. Значит, дома – тоже. Вопрос – почему? Если Салько тут ни при чем и это не его жена, зачем он на меня настучал и рассказал о том, что я была в квартире в момент убийства? И откуда вообще там взялась эта Ельницкая?

– Любовница, – подал голос Виктор. – Арнольда.

Это была еще одна сногшибательная новость. Но, к сожалению, она ничего не объясняла, а лишь еще сильнее все запутала.

– Ну и что? – спросила я. – Почему ее убили? И кто ее убил? Сам Салько, что ли? А зачем? Он же говорил, что там его жена будет, а оказалась – любовница?..

Виктор пожал плечами. Я вздохнула. Это, похоже, единственная пока реакция на происходящее, которая ему доступна. Впрочем, и для меня тоже.

– Так, – сказала я и посмотрела на Ромку. – Купил, что я просила?

Ромка покачал головой и показал на Виктора.

– У него есть все, что нужно, – сказал он.

– Ну так давай, что сидеть-то! – разозлилась я, хотя и понимала, что злиться не на кого. Разве что на саму себя – за то, что ввязалась в эту историю. – У меня есть несколько очень интересных кадров. Нужно их срочно проявить. Может быть, хоть что-то они нам помогут понять.

Мы с Виктором отправились в ванную, проявлять пленку. Ромка смотрел на меня умоляюще, но я его с собой не взяла – что ему там делать, ничего интересного в этом процессе нет, это же не печать.

– Слушай-ка, – сообразила я. – У тебя есть проектор какой-нибудь?

– Есть, – обрадовался Ромка, что он опять может сделать для меня что-нибудь полезное.

– Приготовь, – приказала я. – Сейчас пленку проявим, смотреть будем.

Минут через двадцать пленка была проявлена и даже высушена феном Ромкиной мамы. Я вырезала из нее кадры, которые сделала вчера в той непонятно чьей квартире, и вставила один из них в проектор. На белой крашеной стене появилось увеличенное негативное изображение одного из кадров первой серии моих вчерашних снимков.

Сначала вообще трудно было что-то разобрать в мешанине теней и слабых отблесков, падающих откуда-то сбоку. Виктор сопел разочарованно, а Ромка даже широко открыл рот от

удивления – перед ним была снятая мною картина убийства. Такое он раньше только в кино видел.

– Там окно! – заявил он вдруг, показывая рукой в правую сторону кадра.

– Точно! – тоже сообразила я. – Значит, это – в центре кадра – кровать. Вон, видите, чуть сбоку и вверх, ноги женщины можно различить. А рук видно быть не должно, ими она, похоже, упирается в грудь тому, кто сидит на ней сверху.

– Его очень плохо видно, – с сожалением сказал Ромка. – Он вперед, кажется, наклонился, и в кадр попали только плечи и затылок...

Виктор продолжал разочарованно сопеть. Я и сама была расстроена тем, что ничего существенного нам этот кадр не дал. Даже то, что мужчина на кадре душит женщину, читалось не очень отчетливо. Квартиру можно, наверное, было узнать. Например, по форме кровати и расположению ее относительно окна. Но ни лица мужчины, ни особенностей его фигуры видно не было. Да и женщину тоже было не узнать, поскольку ее закрывала спина мужчины, видны фактически только ноги и то – весьма смутно. Короче, этот кадр никак не мог служить доказательством чего бы то ни было. Ни моей невиновности, ни моей вины. Меня могли обвинить в том, что я заранее приготовила этот снимок, чтобы отвести от себя подозрения – ведь, кто на нем, установить практически невозможно.

Я поставила кадр из второй серии и чуть не вскрикнула от радости.

Лицо мужчины было задрано вверх – он в этот момент смотрел на потолок после моего крика. И то ли свет из окна падал чуть ярче, то ли этот кусок пленки оказался чуть чувствительнее, но я ясно различила характерные черты очень знакомой мне маски Мефистофеля – обведенные кругами выразительные глаза, острые торчащие вверх уши, маленькие, как у козленка, рожки надо лбом. Можно было даже разглядеть щетину на левой половине лица, там, где не наложен грим.

– Красивая, наверное... – прошептал Рома, и я тут только обратила внимание, что хорошо видно и лицо женщины.

Оно, как ни странно, не казалось – несмотря на то что смотрели мы негативное изображение – таким страшным, как тогда, когда я подошла к ней проверить, жива ли она. Лицо, конечно, было искажено предсмертными судорогами и удушьем, но сохраняло какую-то особенную красоту, которая просвечивала и через страдания.

«Молодец, Ромка! – подумала я. – Не каждый сумел бы по этому негативу понять, что она была красивой женщиной».

Что-то в лице мужчины было необычным. Конечно, лицо убийцы обычным вообще не назовешь. Мы однажды чуть не поссорились с Маринкой из-за теории Ломброзо, когда я неосторожно заявила, что в убийцах есть какая-то ненормальность – в их психике, я имею в виду. Маринка тогда, присоединив меня к знаменитому, но заблуждавшемуся итальянцу, разнесла нас обоих в пух и прах. Но я и сейчас продолжаю считать, что в лицах убийц есть что-то, по чему их можно узнать еще до совершения убийства. Впрочем, когда я начинаю об этом думать, то прихожу к выводу, что половину людей, которые тысячами встречаются мне за день на улицах Тарасова, запросто можно причислить к потенциальным убийцам, настолько их лица обезображены сегодняшней жизнью в России.

Но в чертах лица этого Мефистофеля было что-то другое – не нарочито злодейское выражение (какое же еще может быть у маски Мефистофеля!), а что-то, чего я никак не могла уловить...

Помог Виктор.

– Цвет? – спросил он.

– Что? – не поняла я.

– Пленка – цветная? – пояснил он свой вопрос.

– Точно! – воскликнула я. – Цвет! Молодец, Витька! Конечно, пленка цветная! Разве ты сам не видишь? Впрочем, снимок темный, и трудно понять, что изображение цветное. Но ты прав! Именно – цвет! Вот я и смотрю – что же меня смущает в этом Мефистофеле?

– А ну-ка скажи, какой цвет волос у Арнольда Салько, который играл вчера Мефистофеля? – спросила я Ромку. – Ты же видел его вчера на сцене!

– Темный... – неуверенно произнес Рома. – Кажется, черный.

– Эх ты! «Кажется»! – передразнила я мальчишку, который опять-таки покраснел. – Ну а ты что скажешь?

Я посмотрела на Виктора.

– Какие волосы у Митрофанова-Салько, который приходил к нам в редакцию?

– Куда? – тут же переспросил Ромка, но я только отмахнулась от него рукой.

– Брюнет! – сказал Виктор твердо, еще бы не твердо – бывший афганский разведчик!

– Конечно, брюнет! – воскликнула я. – А на снимке что?

Мы все втроем уставились на изображение на стене. На негативе голова мужчины была темной!

– Я не понял, – сказал Рома. – Ну и что?

– Не-га-тив! – по слогам сказала я ему. – У брюнета волосы были бы здесь светлыми!

– Так, значит, тогда это не Салько! – сделал вывод Рома.

– Гениально! – оценила я. – Но вопрос в том – кто же это тогда?

Я толкнула Виктора в бок.

– Спорим, не угадаешь, – сказала я, – какого цвета у него волосы.

– Блондин, – сказал Виктор. – Светло-желтый. Как пшеница.

– Рыжий! – воскликнула я и подставила ему руку. – Спорим? Шампанское на всех!

Виктор молча шлепнул меня по руке – поспорили! Я была уверена, что шампанское купит Виктор.

– Осталось только отпечатать, и узнаем, кто из нас прав, – сказала я. – Давай, Витя, распечатай этот негативчик. И еще одна к тебе просьба...

Виктор посмотрел на меня вопросительно.

– Раз уж это не жена Салько, узнай, что там с его женой. Тебя учить не надо, как я поняла, профессию свою не забыл, надеюсь? А, взвод разведки?

Виктор промолчал, но мне показалось, он недоволен, что я в присутствии посторонних говорю о том, что он доверил только мне одной.

– И еще, попроси Кряжимского зайти в морг, пусть посмотрит на убиенного дядю Васю, на лицо пусть взглянет, прикинет, много ли он пил? Не могло ли убийство в театре быть обычной пьяной дракой? И еще мне сказали, что он дружил с Арнольдом Салько, может быть, ему удастся поговорить с кем-то, кто хорошо знал этого дядю Васю.

Виктор кивнул головой – понял, мол, сделаю.

– И выясни, пожалуйста, что там с Маринкой? – попросила я, видя, что он собирается идти. – Связь будешь держать с ним... – Я показала пальцем на Ромку. – Он будет сидеть на телефоне.

Виктор вопросительно посмотрел на меня.

– Да, да, знаю, что меня объявили в розыск! – воскликнула я. – Но не могу же я сидеть здесь сутками! Я с ума так сойду!.. Да не волнуйся ты, не полезу я на рожон...

Выпроводив Виктора, я повернулась к Ромке и сказала:

– Ну, давай показывай, где тут у твоей мамы хранится косметика...

Мне тоже пора было заgrimироваться. Но, уж конечно, не под Мефистофеля, к внешности которого у меня теперь было стойкое отвращение.

Глава 4

Я сидела перед зеркалом и занималась тем, что уродовала свое лицо косметикой до полной неузнаваемости. Ромка стоял рядом и смотрел на меня с ужасом. Для него, наверное, было открытием, что женщины могут менять внешность. Прямо на глазах у мужчин.

– Рот закрой, котенок! – сказала я ему. – Лучше сделай еще одно одолжение. Возьми у меня в сумке сто долларов и сбегай купи мне, пожалуйста, джинсы. На твой вкус, я тебе доверяю.

Ромка обрадовался и тут же исчез, а я продолжила свои гримерные эксперименты, чувствуя себя варваром, малярной кистью уродующим полотно мастера.

Когда я открыла дверь на его звонок, он просто остолбенел от смущения. Он меня явно не узнавал, и это меня очень радовало. Осталось только спрятать мои длинные ноги в джинсы – и на оперативный простор!

– Так, Ромик! – заявила я ему. – Теперь ты остаешься здесь дежурить. Хватит мне дома сидеть. Я даже позвонить отсюда не могу, чтобы не засветиться.

– Почему? – спросил он.

– Потому, что люди, которым я собираюсь звонить, – объяснила я, – обязательно начнут вычислять номер телефона, с которого я звоню. А делают они это в течение двух-трех минут. Так что стоит позвонить – и в скором времени жди гостей! А я к их приему еще не готова. Все, привет! А теперь – пожелай-ка мне удачи!

– Удачи... – пробормотал он, смутившись.

– Эх ты! – воскликнула я. – Женщину на прощание целовать нужно!

И я чмокнула его в щеку, чем смутила окончательно. Он даже, кажется, рад был, что я ушла.

Не могу сказать, чтобы у меня была четкая цель.

Я в самом деле собиралась позвонить одному из генералов: либо Свиридову, в городское управление милиции, либо Синицкому, в областное управление ФСБ. И к тому, и к другому мне уже приходилось обращаться, профессия журналиста открывает немалые возможности для общения с людьми, занимающими большие должности. А кроме того, мне уже доводилось попадать в весьма сложные, с правовой точки зрения, ситуации. Сложные – для меня. Я всегда ввязывалась в эти истории исключительно по собственной инициативе и тем сильно раздражала обоих генералов – и начальника горуправления МВД Свиридова, и начальника тарасовского управления Федеральной службы безопасности Синицкого.

Я долго выбирала, кому из них позвонить, но так никому и не позвонила. Смутное решение зрело у меня в голове. Сформулировать его я еще не могла, но по крайней мере я уже точно знала, что перед разговором с ними мне необходимо понять, что произошло в театре. Нужно дождаться Кряжмского.

А раз так, то пора возвращаться к Роме. Вот удача, так удача, знакомство с этим мальчишкой! Мне он очень нравится. Именно такого сына я и хотела бы, если бы имела возможность выбирать...

Нет, хватит об этом!

Когда я пришла домой к Роме, меня там уже ждал Виктор.

Я сразу же заставила его отчитываться. Но Виктора нашего разговорить – это легче до Венеры долететь!

Он молча протянул мне лист бумаги, исписанный знакомыми каракулями Сергея Ивановича Кряжмского.

– Ну и что это? – спросила я, беря у него листок.

– Досье, – пожал он плечами.

Я знала, что у Сергея Ивановича в голове есть досье почти на всех известных в Тарасове людей, особенно политиков, чиновников и бизнесменов. Ну, возможно, еще на верхушку криминалитета. Но неужели он знает о каждом жителе Тарасова столько, что может исписать машинописный лист с обеих сторон своим размашистым почерком?

– Эх, Витя! – вздохнула я. – Теперь часа два будем эту криптограмму расшифровывать! Ты же знаешь, какой у него почерк.

– Оля, дайте я попробую? – вылез со своей помощью Ромка.

– Я же говорила тебе, чтобы обращался ко мне на «ты»! – разозлилась я на него ни с того ни с сего.

Впрочем, я тут же поняла с чего. Не на него я разозлилась, а на Сергея Ивановича, который пишет, совершенно не заботясь о том, как кто-то другой будет читать его «шифровки». Он свой почерк понимает, и этого, считает он, вполне достаточно. И на Витьку тоже разозлилась, потому что его просили принести информацию, а он что принес?

А Ромка просто под руку попался. Мне стало неудобно перед ним за свою резкость, и я протянула ему лист бумаги.

– На, попробуй! – сказала я. – Но больше на «вы» ко мне не обращайся, мне это неприятно.

Ромка посмотрел на меня и уткнулся в листок. Я решила подождать немного, а потом приняться за дело самой. Неудобно же сразу отбирать у него эту бумажку, обидится ведь... Ох, вечно я придумаю какую-нибудь заботу на свою голову!

– Митрофанова Евгения Сергеевна, – начал вдруг читать Ромка довольно уверенно. – Муж – Митрофанов Алексей Васильевич, сценический псевдоним – Арнольд Салько, заслуженный артист России, ведущий артист тарасовского академического театра драмы...

Ромка держал лист бумаги на вытянутой руке и читал довольно быстро.

Я с удивлением заглянула в листок издали и увидела, что почерк Сергея Ивановича читается легко, если бумагу не подносить к глазам на обычное расстояние, а держать чуть дальше.

– Детей нет, – прочитал Рома. – Директор коммерческой фирмы «Голд», торгующая золотыми изделиями, бриллиантами, ювелирными украшениями. Неофициальные интересы фирмы «Голд» составляют проституция, нефтяная и химическая промышленность.

– Что это значит – «химическая промышленность»? – не утерпела я. – Он что, не мог пояснее, что ли, написать?

– Фирме «Голд» принадлежит второй по величине пакет акций акционерного общества «Тарасовхимия».

Я даже присвистнула от удивления. Ничего себе! Второй раз на моем пути встречается эта тарасовская «химия» и опять она имеет какое-то отношение к убийству.

– Есть основания предполагать, – продолжал читать Рома составленное Кряжимским досье, – что Митрофанова в «Голд» – лицо подставное, а настоящим хозяином фирмы является арестованный сейчас Василий Ермолаев, в недавнем прошлом один из крупнейших в Тарасове финансовых воротил. Позвольте вам напомнить, милейшая Ольга Юрьевна, что арестован он был с вашей подачи...

– Что? – воскликнула я. – Что ты читаешь!

– Тут так написано! – пожал плечами Ромка. – Позвольте вам напом...

– Не надо повторять! – рявкнула я на него. – Читай дальше.

– Вас должен, без сомнения, заинтересовать следующий факт: Евгения Сергеевна Митрофанова – любовница Василия Ермолаева. Именно в связи с этим фигура она в Тарасове довольно известная и в определенных кругах – влиятельная. На службе у нее состоят пятеро охранников, состав которых время от времени меняется вследствие естественной убыли. По

сведениям, старший из охранников, который работает у нее уже третий год, также является ее постоянным любовником. Его кличка – Рыжий.

– Все? – спросила я Ромку с нетерпением.

– Все, – пожал он плечами и протянул мне прочитанный листок.

– Давай фотографию! – сказала я Витьке. – О которой мы с тобой поспорили.

Вместо ответа Витька вытащил из своего необъятного кофра одну за другой три бутылки шампанского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.